

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТРЕТЬЕГО ПЕРЕДЕЛА МИРА

Бугера В.Е.

Уфимский государственный нефтяной технический университет

Работа посвящена вопросу об экономических предпосылках серии больших войн, предстоящих человечеству в XXI веке. Циклическое движение мировой капиталистической экономики; борьба между финансово-промышленными группировками за сферы влияния на мировом рынке, за нефть и другие ресурсы; локальные противоречия между слаборазвитыми государствами – все это является предметом анализа, изложенного здесь.

Когда мы ставим вопрос об экономических условиях, которые будут определять характер войн в XXI веке, нам необходимо с самого начала исходить из следующих фактов:

1. *Вот уже более ста лет подряд все рынки в мире настолько едины, что их можно рассматривать лишь как сегменты единого мирового рынка, и вся мировая экономика является органически единым целым, каждая часть которого является такой, какова она есть, лишь во взаимосвязи со всеми остальными частями.*

2. *В настоящее время практически во всем мире господствует монополистический капитализм, и очевидно, что направление развития мировой экономики в первой половине XXI века будет определяться закономерностями развития монополистического капитализма.*

Если объект нашего познания является органически единым, то исследование и прогнозирование развития любой его стороны дадут хоть маломальски истинные результаты лишь в том случае, когда мы *начнем познание части с познания целого*. Лишь исходя из закономерностей развития современной всемирной монополистическо-капиталистической экономики, мы сможем понять, какие именно экономические причины обусловят войну в том или ином регионе, как они повлияют на ее характер и течение, как они будут сочетаться с теми причинами войны, которые *непосредственно* не являются экономическими, - и в результате дать более-менее точный прогноз относительно хода, завершения и результатов этой войны.

Вот уже около ста лет подряд - с тех пор, как капитализм стал монополистическим - траектория мирового научно-технического прогресса представляет собой удивительную картину. *Неуклонно* модернизируется *только производство оружия*; что же касается кривой модернизации производства *мирных товаров массового потребления*, то она совершает следующие изгибы:

– круто поднимается в самом начале XX в., но к началу первой мировой войны этот подъем становится более пологим;

– после войны - не очень крутой подъем 20-х гг., обрывающийся в Великую депрессию 1929-33 гг.;

– по окончании этого всемирного кризиса - застой, почти совершенно горизонтальная линия, *плато*¹;

– после второй мировой войны - крутой и длительный подъем, обрывающийся в мировой экономический кризис начала 70-х гг.;

– после кризиса - очень пологий, все менее и менее заметный подъем (за исключением лишь массового производства компьютеров и программного обеспечения к ним – здесь модернизация идет все еще быстро и мощно, но ее результаты *все меньше внедряются в производство товаров широкого потребления, не связанных непосредственно с военными нуждами*), превратившийся в конце XX - начале XXI в. в совершеннейшее плато, такое же, как накануне второй мировой войны.

Складывается такое впечатление, что *при монополистическом капитализме модернизация производства мирных товаров широкого потребления стимулируется исключительно лишь большими войнами*.

И это впечатление совершенно правильно: в эпоху империализма монополиям действительно оказывается, как правило, выгоднее совершенствовать производство пушек вместо масла (а если уж все-таки масла - то как провианта для армии, а не как товара для мирного населения). На то есть две причины. Первая обусловлена тем, что монополиям выгоднее не тратить на модернизацию мирного производства, но *расширять свои сферы влияния* - и тем самым увеличивать сверхприбыли, получаемые за счет монопольных цен; а для того, чтобы расширять сферы влияния, нужно воевать или по крайней мере бряцать оружием. Вторая же причина заключается в том, что *во время войны*

прибыли капиталистических монополий перестают быть ограниченными покупательной способностью населения: в отличие от мирного времени, во время войны большинство товаров, производимых переориентированными на войну промышленностью и сельским хозяйством - оружие, провиант и обмундирование для армии и т. п. - покупает не население, а *государство*, и потому можно урезать заработную плату до размеров еле-еле достаточного для выживания ежедневного пайка, не опасаясь того, что обнищавшее население перестанет покупать товары и наступит экономический кризис (как это неизбежно произошло бы в мирное время). А если еще учесть, что в военное время можно увеличить рабочий день до размеров, немыслимых в мирное время, и обосновать сокращение зарплаты и увеличение рабочего дня необходимостью военного времени (а с теми, кто будет протестовать или просто уклоняться от работы, расправляться опять-таки по законам военного времени - как с вражескими пособниками), то становится понятно, что большая война оказывается золотым дном для монополий *всех - в том числе и проигравших войну* - стран, участвовавших в войне. Так, хорошо известно, что проигрыш Германии в обеих мировых войнах не помешал ее монополиям очень хорошо нажиться на них. Для эпохи империализма вдвойне верна старая истина: все выгоды от войн между государствами присваивают эксплуататоры, а все издержки ложатся на плечи эксплуатируемых .

Исходя из всего этого, становится понятным не только то удивительное явление, что вот уже сто лет подряд без перебоев прогрессирует только производство оружия, но также и другой, не менее поразительный факт, тоже имеющий место на протяжении последних ста лет: *разработка большей части новейших высоких технологий финансируется военными ведомствами, а сами эти технологии применяются сперва в производстве продукции военного назначения, и лишь потом находят себе мирное применение.*

Технически модернизировать производство мирных товаров становится по-настоящему выгодно монополиям лишь *сразу после войны* - когда хочешь не хочешь, а приходится вновь переводить на мирные рельсы часть экономики. Рабочей силы после военной мясорубки осталось мало, и палкой ее на заводы и фермы, в отличие от военного времени, не загонишь - следовательно, надо хотя бы чуть-чуть поднимать зарплату, чтобы привлечь пролетариев на предприятия.

Покупательная способность населения крайне низка - следовательно, нельзя очень уж повышать цены. Как же тогда получать прибыль? - Выход только один: технически модернизировать производство - и производить настолько нужные широким массам и при этом дешевые товары, чтобы они хорошо раскупались даже обнищавшим населением.

Конечно, модернизация техники в обнищавшей стране не обещает скоро окупиться и потому является весьма рискованным мероприятием. Однако этот риск несколько уменьшается за счет того, что во время войны в военном производстве была наработана масса новейших технологий, которые теперь можно в готовом виде, уже не тратясь на их разработку, переносить в мирное производство². Кроме того, разрушение производственных мощностей в ходе военных действий не только затрудняет, но вместе с тем, парадоксальным образом, в некотором отношении и *облегчает* техническую модернизацию производства: как это хорошо известно специалистам, дешевле выстроить новый завод, оснащенный новейшей техникой, на пустом месте, чем переоснащать старый завод, переоборудуя старые постройки и коммуникации. Получается так, что противник берет на себя расходы по разрушению устаревших предприятий, за свой счет расчищая место для строительства предприятий модернизированных...

Все эти причины, вместе взятые, приводят к тому, что *заметные скачки в модернизации мирного производства происходили в эпоху империализма именно после мировых войн, как их результат - и иначе не могли бы произойти.*

Однако всему, что имеет начало, рано или поздно приходит конец - и послевоенный подъем мирного капиталистического производства рано или поздно заканчивается мировым экономическим кризисом. Заканчивается и кризис - но тут-то и обнаруживается, что *при монополистическом капитализме в мирное время не существует устойчивых стимулов, которые побуждали бы капиталистов к дальнейшей технической модернизации мирного производства*³... В мирном производстве усиливаются застойные тенденции (в конце концов мировая экономика впадает примерно в такой же застой, как в 30-е гг. или как сейчас, когда даже модернизация персональных компьютеров - и та постепенно замедляется), и только производство оружия продолжает модернизироваться так же динамично, как и раньше. Так и живет человечество до тех пор, пока

накопившиеся за время застоя противоречия между делящими мир финансовыми группировками⁴ не выльются в очередную всемирную разборку.

Интервалы между этими разборками могут быть различны. Первый и второй империалистические переделы мира разделяют всего лишь двадцать лет, а с момента окончания второй мировой войны прошло уже больше шестидесяти - и третья всемирная бойня все еще не началась. Правда, говорят о ней уже много: начиная с 11 сентября 2001 г., выражение "третья мировая война" все чаще и чаще мелькает в СМИ. О второй мировой войне тоже начали говорить задолго до того, как она разразилась... Но все же, благодаря чему человечество вот уже седьмой десяток лет живет без мировых войн? - Ответ на это мы найдем в трудах Николая Дмитриевича Кондратьева.

В своих работах "Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны" (1922) и "Большие циклы экономической конъюнктуры" (1926) [20, с. 40-400] Кондратьев описывает открытые им большие циклы в развитии мировой капиталистической экономики - гораздо более длительные, чем те циклы, одной из фаз которых являются всемирные кризисы перепроизводства. Как убедительно показал Кондратьев, большие циклы капиталистической экономики связаны с тем, что производительные силы индустриального общества модернизируются *регулярно*: их коренное обновление происходит с определенной периодичностью, примерно раз в полстолетия - в первую половину каждого из этих полувековых периодов производительные силы выходят на новый уровень развития, а во вторую половину "закрепляются" и "застаиваются" на этом уровне развития, вплоть до начала очередного обновления.

Кондратьев лишь положил начало объяснению механизма, посредством которого реализуется открытая им исключительно важная закономерность в развитии капитализма. Исчерпывающим образом логика "больших циклов" раскрыта в книге С. Меньшикова и Л. Клименко "Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу" - замечательной по глубине и полноте изложения, сочетающихся с ясностью и лаконизмом. К их объяснению сущности "больших циклов", основанному на глубоком прочтении не только работ Кондратьева, но и марксова "Капитала" [24, с. 23-34], просто нечего прибавить - поэтому мы здесь и

ограничиваемся ссылкой на эту прекрасную работу выдающихся российских экономистов, не вдаваясь в ее цитирование. В рамках нашей темы достаточно указать на то, что окончание второй мировой войны непосредственно предшествовало, говоря словами Кондратьева", "повышательной волне" очередного "большого цикла" - той самой волне, которая принесла с собой Научно-техническую революцию (НТР). Эта волна, создавая качественно новые технологии (а тем самым - и потребности в них и в еще более новых, доселе невообразимых технологиях) и тем самым открывая великое множество ранее не существовавших рынков, позволила монополиям всего мира несколько десятков лет подряд получать огромные сверхприбыли за счет модернизации мирного производства, обходясь без очередной всемирной мясорубки и ограничиваясь "холодной войной" и локальными войнами для выяснения отношений между собой. А вот между первой и второй мировыми войнами как раз пришлось "понижательная волна" "большого цикла", то есть *застой в модернизации мирного производства*, заставлявший монополистический капитал всего мира как можно быстрее вновь обрести источник сверхприбылей в очередной всемирной бойне. Потому-то вторая мировая война и началась всего лишь через двадцать лет после окончания первой.

Названные выше работы Кондратьева, Меньшикова и Клименко стоит почитать для того, чтобы научиться понимать, как различные циклы капиталистической экономики наслаиваются друг на друга, искажают картину друг друга, *скрывают* действие лежащих в их основе закономерностей, но вовсе не отменяют этих закономерностей и их действия. В частности, тот факт, что человечество сумело прожить более шестидесяти лет без мировых войн, вовсе не отменяет действия той закономерности развития монополистического капитализма, которая уже обусловила две мировые войны и которая еще втянет в первой половине XXI века сотни миллионов людей в кровавую резню.

При монополистическом капитализме научно-технический прогресс может осуществляться не иначе, как ценой сотен миллионов жертв больших и малых войн. И так будет до тех пор, пока существует монополистический капитализм. А поскольку на таком высоком уровне развития производительных сил, как сейчас, капитализм может быть *только* монополистическим, то можно

сказать и так: научно-технический прогресс будет невозможен без гигантской кровавой мясорубки, перемалывающей сотни миллионов человеческих жизней, до тех пор, пока существует капитализм⁵. И раз капитализм до сих пор существует - и как раз сейчас находится в такой фазе своего циклического движения, которая непосредственно, с железной необходимостью порождает очередной империалистический передел мира, - и раз сегодня нет таких сил, которые были бы способны с сегодня на завтра, в самое ближайшее время уничтожить капитализм как общественно-экономическую формацию⁶, то отсюда с неизбежностью следует, что человечеству в достаточно скором времени предстоит пережить кошмар третьей всемирной резни.

Важно подчеркнуть, что одни и те же глобальные закономерности экономического развития монополистического капитализма, периодически воспроизводящие всемирную мясорубку, каждый раз делают это посредством различных *частных экономических причин*. Так, сегодня, когда говорят об уже идущих и еще предстоящих человечеству войнах, часто утверждают, что эти войны есть и будут в первую очередь битвами за нефть и другие энергетические ресурсы. Среди *непосредственных* причин, породивших первые две мировые войны, борьба за энергетические ресурсы играла тоже очень большую, но, как полагают некоторые, все же не столь важную роль, как сегодня. Так это или нет, мы здесь обсуждать не будем, но лишь отметим, что сводить вопрос об экономических причинах войн лишь к непосредственным сиюминутным причинам, не замечая стоящих за ними и играющих *определяющую* роль базовых закономерностей функционирования и развития экономики, - значит ползать по поверхности явлений, не проникая в их сущность, а следовательно, не достигая возможности делать хорошо обоснованные долгосрочные прогнозы.

Непосредственные экономические причины третьего империалистического передела мира могут быть хоть такими же, хоть иными, чем у первых двух - но именно ко всемирной бойне и именно в первой половине XXI века они приведут-таки, поскольку глобальные экономические закономерности, описанные выше, создают условия именно для такого, а не иного действия этих непосредственных причин. Поясним это на следующем примере. Когда говорят об экономических

причинах современных империалистических конфликтов, то зачастую важнейшую из них видят, как уже было сказано выше, в борьбе за нефть. Однако острейшая борьба за нефть между различными империалистическими группировками идет в мире вот уже несколько десятилетий подряд - но почему к третьему переделу мира она не привела человечество, скажем, еще в 70-е годы, почему она породит всемирную бойню только в первой половине XXI века? - Да потому, что только сегодня мировая экономика вступила в соответствующую фазу своего циклического движения. Эта фаза аналогична той, которую мировая экономика проходила в 30-е гг. XX в., и ее наступление обусловлено теми же закономерностями циклического движения монополистического капитализма - теми же самыми, хотя и реализующимися сегодня через совокупность частных причин третьего передела мира, несколько отличающуюся от совокупностей частных причин первого и второго империалистических переделов мира. Если человечество вступило в эту фазу - значит, быть всемирной бойней, не по тому, так по другому поводу; если же человечество находится в другой фазе циклического движения капиталистической экономики - значит, не бывать мировой войне, хоть десять карибских кризисов разразись. Разве что инопланетяне вмешаются или Луна на Землю упадет - тогда, конечно, действие циклических законов монополистического капитализма будет нарушено...

Резюмируем: хотя не только *поводы*, но и действительно важные *непосредственные причины* у третьего империалистического передела мира могут сильно отличаться от таковых у первых двух переделов мира, тем не менее *глубинные корни и движущие силы* у него остаются те же самые, что и у первых двух. Эти корни и движущие силы никуда не исчезли с наступлением третьего тысячелетия, они продолжают действовать с не меньшей силой, чем в прошлом веке, - значит, третьей всемирной резне быть, и никуда от нее не денешься.

Из сказанного выше вовсе не следует, что третья мировая война будет проходить полностью или почти точно так же, как и первые две. Вне всякого сомнения, третий империалистический передел мира будет очень сильно отличаться от первых двух. Одним из основных источников этих отличий станет тот факт, что первые две мировые войны происходили еще в эпоху

"классической" мировой системы колониализма, а третья всемирная разборка будет происходить в условиях нынешней системы *неоколониализма*.

Во времена первых двух мировых войн в мире было несколько сильных империалистических держав, а весь остальной мир представлял собой *большой частью* их колонии, и лишь *меньшей частью* - полуколонии, очень слабые и экономически, и политически. Поэтому первые два больших империалистических передела мира происходили так: небольшое число сильнейших держав делились на два блока, *непосредственно* вступали в схватку друг с другом, а все остальные государства следовали за тем или другим блоком в роли оруженосцев, снабженцев и прочего обслуживающего персонала - одним словом, в роли *статистов*. В XXI веке все будет иначе, поскольку современные средне- и слаборазвитые страны - это уже не прежние колонии, но *сплошь* политически суверенные государства; и хотя все они находятся в той или иной степени полуколониальной зависимости от наиболее высокоразвитых империалистических государств, однако среди этих полуколоний мы все же видим немало довольно сильных - и экономически, и политически - буржуазных государств со своими особыми, вполне определенными империалистическими интересами и межимпериалистическими противоречиями. Эти государства примут в третьем переделе мира хотя и не абсолютно, но все же *в большой мере* самостоятельное участие - они уже будут не просто участвовать в массовке, но играть свои собственные, хотя и не главные, роли. Противоречия между такими государствами не могут полностью вписаться в рамки противостояния между двумя блоками сильнейших империалистических держав. Следовательно, во-первых, многие среднеразвитые (и даже слаборазвитые) капиталистические государства уже не будут просто снабженцами и оруженосцами сильнейших держав, как в первых двух мировых войнах, но *будут вести свои войны*; а во-вторых, в процессе третьей всемирной разборки мировая буржуазия разделится отнюдь *не на два, а на большее количество противостоящих друг другу* блоков, ведущих, скорее всего, не единую мировую войну, но *целый ряд больших локальных войн, почти* (но не обязательно полностью!) *одновременных, так или иначе связанных между собой и переходящих друг в друга*. Таким образом, третий

большой империалистический передел мира скорее всего будет не единой мировой войной, но цепочкой больших локальных войн.

Основным театром военных действий в первой мировой войне была Европа. Во второй мировой к Европе добавился еще один, почти столь же основной - Восточная и Юго-Восточная Азия плюс немалая часть Океании. *В третьем переделе мира будет несколько одинаково важных театров военных действий, разбросанных по всему миру:* цепь локальных войн охватит практически весь земной шар - сегодня в мире столько несводимых друг к другу узлов межимпериалистических противоречий, что их никак не получится стянуть в один или два каких-то определенных региона, чтобы там разрубить их все. И если первые две мировые войны велись сильнейшими империалистическими державами (за исключением США) либо на своей же территории, либо в непосредственной близости от нее, то третья всемирная буржуазная разборка, скорее всего, начнется на территории средне- и слаборазвитых стран, а на территорию высокоразвитых стран перекинется не сразу - если вообще перекинется.

В эпоху "классического" колониализма капитал высокоразвитых стран был вынужден сам нести бремя расходов и по удержанию трудящихся средне- и слаборазвитых стран в своей власти, и по борьбе между сильнейшими империалистическими державами за передел мира; в эпоху неоколониализма оказалось возможным переложить огромную долю и тех, и других издержек господства на плечи "туземной" буржуазии. Точно так же, как сегодня буржуазия высокоразвитых стран эксплуатирует пролетариев средне- и слаборазвитых стран руками "туземной" буржуазии (и, таким образом, снимает сливки и пенки с прибавочной стоимости, отнятой у этих пролетариев, при этом перекадывая весь труд по ее отнятию на плечи местных капиталистов), - точно так же различные группировки буржуазии высокоразвитых стран *начнут* третий передел мира между собой руками буржуев средне- и слаборазвитых стран (которые будут драться между собой, проливая при этом кровь своих пролетариев, одновременно и за свои особые интересы, и за интересы буржуев высокоразвитых стран), снимая сливки и пенки с прибылей, приносимых войной, а основные издержки войны свалив на плечи этих самых "туземных" буржуев (которые, в свою очередь,

свалят их на плечи своих пролетариев). Это означает, что такие войны, как недавний захват Ирака Соединенными Штатами Америки, вряд ли будут типичными для предстоящего передела мира: в подавляющем большинстве случаев будут иметь место такие войны, как та, что была между Ираком и Ираном в 80-е гг. Может быть, цепочка локальных империалистических войн так и не коснется Западной Европы, США и Японии - хотя, возможно, в конце концов эти войны перекинутся и на какую-то часть названных регионов. В частности, Балканский полуостров (а точнее, государства, возникшие на территории бывшей Югославии, и Албания) является одним из наиболее вероятных очагов возгорания тех войн, которые предстоит испытать на себе человечеству в наступившем столетии, - а если на Балканах вновь начнутся большие войны, то Европейскому Союзу неизбежно придется в них вмешаться. Если Балканы загорятся, то огонь войны обязательно опалит Западную Европу...

Можно ли в точности предсказать, какие именно государства будут воевать друг с другом в XXI веке – и, хотя бы примерно, когда именно они ввяжутся в войны? – Очевидно, что для того, чтобы давать обоснованные прогнозы такого рода, анализ глобальных закономерностей развития современной капиталистической экономики хотя и необходим, но совершенно недостаточен. Если мы попытаемся давать детализированные прогнозы относительно будущих войн, не учитывая массы местных условий тех или иных регионов (через которые как раз и будут реализовываться глобальные экономические закономерности), то подвергнем себя риску оказаться в положении бравого солдата Швейка. Читатели бессмертного романа Ярослава Гашека помнят, что сразу после убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево Швейк совершенно правильно предсказал, что начнется мировая война – но расстановку сил в этой войне определил с точностью до наоборот...

Задача конкретного прогнозирования начала и хода будущих войн осложняется тем, что в периоды, когда крупнейшие монополистические группировки оказываются заинтересованными не только в насильственном переделе мира, но и в том, чтобы сделать хороший бизнес на самом процессе этого передела, *буржуазные государства начинают выбирать себе союзников и*

противников, основываясь зачастую не на предшествующих долговременных традициях партнерства или соперничества друг с другом, но на сиюминутных экономических и политических интересах влиятельных буржуазных группировок – настолько сиюминутных, что их очень трудно предсказать заранее. Предыстория обеих мировых войн дала целый ряд примеров тому, как правящие круги различных государств, прежде чем ввязаться в войну, долго прикидывали, с кем и против кого им дружить, по несколько раз меняли своих союзников и вероятных противников – и в конце концов прежние союзники оказывались по разные стороны линии фронта. Так происходило не только потому, что будущие участники войн подыскивали более сильных друзей, в союзе с которыми шансы на победу повысились бы. Была и еще одна причина такого поведения государств, готовившихся к войне: *когда война как таковая становится большим бизнесом для монополистической буржуазии, то ее различным группировкам становится не так уж важно, воюют ли служащие им государства со своими традиционными противниками или со вчерашними союзниками – лишь бы шла война, лишь бы она приносила прибыли, лишь бы набирал обороты этот выгодный бизнес*⁷.

Если непросто было предсказать расстановку сил в первых двух империалистических переделах мира, когда весь мир делился всего лишь на два лагеря, то многократно труднее дать точный прогноз расстановки сил в грядущем третьем переделе мира, который будет осуществляться в виде целого ряда локальных войн. Основные движущие силы этих войн – глобальные противоречия между крупнейшими монополистическими группировками – будут затушеваны массой местных, локальных причин и условий, порождающих эти войны именно в данных местах в данные моменты времени. К чему это ведет в *осознании* причин и условий возникновения современных войн теоретиками, политическими идеологами, журналистами и внимающей им публикой, мы можем видеть уже сейчас, когда наблюдаем, как осознаются причины уже идущих войн и т. наз. «международного терроризма»: пышным цветом цветет – и, к сожалению, долго еще будет цвести – *мистифицирование, мифологизация* этих причин, *фантастика* по поводу них.

К такой фантастике относится, например, очень популярная сегодня болтология о «конflikте цивилизаций» - в частности, тот ее наиболее фантастический вариант, когда одним из основных признаков, по которым выделяют и различают эти самые цивилизации, оказывается религия. Достаточно взглянуть на войну в Ираке, где войну ведут не столько представители «христианской цивилизации» против «исламской цивилизации», сколько представители этой самой «исламской цивилизации» друг против друга; достаточно взглянуть на Абхазию и Южную Осетию, где абхазы и осетины – частично православные, частично мусульмане – единодушны в своей вражде к православной Грузии и мечтают о защите со стороны преимущественно православной России; достаточно привести еще один-два из *многих* примеров подобного рода, чтобы убедиться в несостоятельности мифов о «конflikте цивилизаций». Религиозные и межэтнические конфликты – это лишь *опосредствующие звенья* в развязывании войн, *первопричины* же этих войн лежат в области экономики. Однако и эти опосредствующие звенья надо тщательно изучать, чтобы не сесть в лужу так же, как сел в нее бедняга Швейк. Правда, изучать их надо в теснейшей связи с *основной движущей силой современной истории*, с глобальными закономерностями функционирования и развития экономики монополистического капитализма – только такое изучение межрелигиозных, межрасовых, межнациональных и вообще межэтнических противоречий может быть свободным от мистификаций и мифотворчества. Именно такое изучение локальных условий, налагающих свой отпечаток на реализующиеся через них глобальные экономические закономерности, позволит исследователям точно прогнозировать, где, между кем, когда именно будут начинаться грядущие войны, как они будут проходить и к каким результатам приводить.

Точное прогнозирование конкретных войн в тех или иных регионах мира и необходимое для такого прогнозирования подробное исследование местных условий в этих регионах выходит за рамки темы данной работы. Эти рамки позволяют нам лишь обозначить наиболее вероятные очаги возгорания будущих

войн – и тем самым наметить наиболее важные направления будущих исследований по этому вопросу.

Среди наиболее вероятных очагов будущих локальных войн следует прежде всего назвать Балканы, о которых уже говорилось выше, и Ближний и Средний Восток, а также примыкающие к ним Среднюю Азию, Закавказье и Северный Кавказ. Эти регионы настолько долго и настолько очевидно являются "горячими точками" - язвами, воспаляющимися и кровоточащими в порядке реакции чуть ли не на любое обострение межимпериалистических противоречий в мире вот уже на протяжении более чем ста лет, - что нет необходимости задерживаться на детальном доказательстве того, что грядущий передел мира реализуется в этих регионах как в форме *межгосударственных*, так и в форме межэтнических и межконфессиональных *гражданских* войн. После второй мировой войны такой же "горячей зоной" стала практически вся Африка, где в первой половине наступившего столетия можно с уверенностью прогнозировать рост даже не столько межгосударственных, сколько межплеменных войн.

Далее нам следует обратить внимание на государства, наиболее высокоразвитые из средне- и слаборазвитых, - государства, чья экономика кажется на фоне всемирного застоя бурно растущей. Эти государства претендуют на одну и ту же нишу в системе международного разделения труда - на роль поставщиков либо сырья, либо дешевых товаров, а также дешевой (хотя иногда довольно-таки высококвалифицированной) рабочей силы на мировой рынок. Поэтому между такими государствами сплошь и рядом существуют и нарастают глубокие экономические противоречия - слишком глубокие, чтобы увидеть их с первого взгляда: на поверхности явлений мы видим лишь то, что эти государства часто поддерживают между собой прекрасные дипломатические отношения, наращивают товарооборот - и, казалось бы, ничто не обещает нарушить эту идиллию, на самом деле такую хрупкую...

Такие государства мы находим прежде всего в Азии. Следует внимательно анализировать экономические и политические отношения между не только Индией и Пакистаном (здесь потенциальная возможность войны очевидна), но и Индией и Китаем, Китаем и Россией, Индонезией и Малайзией. Зато вряд ли стоит тратить время и силы как на Северную, так и на Южную Корею. Южную

Корею от всех нападков защитят США; что же касается Северной Кореи, то сколько бы она ни грозила ядерными испытаниями и ни скандалила в ООН, никто на нее не нападет по двум причинам. Во-первых, она ни для кого из своих соседей не является серьезным конкурентом в дележе экономических сфер влияния, в борьбе за место на мировом рынке; во-вторых, всякий, кто свергнет нынешний северокорейский режим, очутится лицом к лицу с проблемой: а что же делать с миллионами северокорейских безработных, которые никому - в том числе и Южной Корее - не нужны? ...Короче говоря, Северная Корея - это тот самый Неуловимый Джо, который неуловим потому, что даром никому не нужен. Единственно, чем она может пригодиться буржуазии мировых империалистических держав и соседних с нею государств - это именно своим неограниченно долгим существованием в нынешнем виде, чтобы, если некого больше будет объявлять "центром зла", служить хотя бы ничтожным, но все же поводом для военных госзаказов.

Странно то, что, кажется, никто или почти никто не ставит сегодня вопрос о том, не является ли Латинская Америка очагом будущих войн. А между тем на этот регион стоило бы обратить пристальное внимание именно с данной точки зрения. Во-первых, там издавна - причем чем дальше, тем больше - сталкиваются интересы самых разных империалистических держав (в том числе и по поводу пресловутых энергетических ресурсов - например, венесуэльской нефти). Во-вторых, там располагается целый ряд государств с неслабыми армиями - государств, которым в XIX веке уже доводилось довольно-таки интенсивно воевать друг с другом. Некоторые из них на фоне всемирного застоя выглядят экономически растущими (как, скажем, Бразилия); тем самым возникают основания для борьбы между ними за одну и ту же нишу в системе мирового разделения труда. И как раз недавно начали появляться поводы для того, чтобы перевести эту борьбу в форму настоящей войны: уже в нескольких латиноамериканских государствах к власти пришли правительства, поднявшие красный флаг и заявляющие словесные претензии (правда, не очень-то обоснованные практически) на радикальную левизну. Как показывает опыт истории последних полутора столетий, если кто-то поднял красный флаг - это очень удобный предлог для того, чтобы объявить дерзкого вне норм права (в т. ч.

международного) и объявить на него охоту. В данном случае объявить охоту на "красных" в Латинской Америке прежде всего заинтересованы США; было бы очень интересно заранее проанализировать, не заинтересованы ли какие-нибудь латиноамериканские государства откликнуться на подобный призыв, и хватит ли у российской империалистической буржуазии (в объятая которой, по давно уже протоптанной тропе Фиделя Кастро и Даниэля Ортеги, уже кинулся Уго Чавес) желания и сил отстоять "социалистические" режимы в Латинской Америке от их врагов и своих конкурентов.

В отличие от второй мировой войны, финал которой в 1944 году - через пять лет после ее начала - уже был очевиден, цепочка больших локальных войн, предстоящая человечеству в XXI веке, может продолжаться довольно долго *без очевидных предзнаменований того, когда и чьей победой она закончится*. Это обстоятельство несомненно будет повергать в отчаяние миллионы рядовых наемных работников (пролетариев и представителей низших слоев средних классов), вооруженных, организованных в воинские части и посланных на смерть буржуазией - и делать их готовыми к тому, чтобы повернуть оружие на своих же начальников и господ. Кроме того, среди участников грядущего империалистического передела мира не будет таких мощных молодых тоталитарных государств, как СССР и нацистская Германия, способных настолько же эффективно контролировать эксплуатируемых трудящихся и подавлять в зародыше любую организованную оппозицию. Это второе обстоятельство больше сближает грядущую всемирную разборку с первой мировой войной, чем со второй. Благодаря этим двум обстоятельствам *третий большой империалистический передел мира, по всей вероятности, породит волну революций, которые начнутся во время него и прокатятся по земному шару*. Подчеркнем специально: не каких-нибудь "оранжевых" псевдореволюций, но самых настоящих социальных, насильственных и весьма кровавых революций.

Поскольку основные военные действия не будут локализованы лишь в одной части света, как во времена первой мировой войны, то и революции XXI века начнутся и развернутся в нескольких частях света - может быть, не совсем одновременно, но по крайней мере одна за другой, цепочкой, гирляндой. А раз

войны прежде всего разгорятся в средне- и слаборазвитых странах, то и революции разгорятся прежде всего именно в таких странах (прежде всего, наверное, в среднеразвитых, где пролетариат более силен и сознателен)⁸. В высокоразвитых странах пламя революции сможет разгореться лишь позднее - *в результате* революций в средне- и слаборазвитых странах, которые уменьшат поток монополистических сверхприбылей в высокоразвитые страны: как уже было сказано выше, монополии последних, чтобы компенсировать свои потери, будут вынуждены усилить эксплуатацию своих пролетариев-соотечественников, чем и доведут их - более сознательных и менее терпеливых, чем их забытые братья по классу из более бедных стран - до революции. Как именно смогут начинаться революции в высокоразвитых странах, не принимающих непосредственного участия в войнах, можно представить себе по аналогии с классовой борьбой во Франции зимой 2005-06 гг.

Поскольку буржуазные государства средне- и слаборазвитых стран будут гнать своих пролетариев в бой не только пулеметами заградотрядов, но и *национальной идеей, патриотическим и религиозным чувством*, то среди пролетариев Азии, Африки, Латинской Америки, Восточной и Южной Европы через какое-то время после начала войн неизбежно вспыхнет ярким пламенем ненависть - как это ни кажется сейчас невероятным - *к своему национальному и территориальному патриотизму, к своей традиционной вере*. Будут твориться вещи, совершенно невозможные сегодня: в целом ряде стран, где сегодня широко распространены патриотические и религиозно-фундаменталистские настроения, через несколько лет после начала третьей всемирной бойни интернационалистические и антиклерикальные идеи будут так же популярны, как в России 1917 или в Германии 1918 г. При этом *национально-освободительные движения, популярные в таких странах сегодня, в ходе предстоящих человечеству больших войн дискредитируют себя в глазах тех самых масс, которые сегодня поддерживают их*.

Почему так? - А дело в том, что так же, как и национально-освободительные движения в Европе во времена первой мировой войны, современные национально-освободительные движения Азии, Африки, Латинской Америки, Восточной и Южной Европы наглядно обнаружат в ходе третьего

империалистического передела мира свой буржуазный, *империалистический* характер. *Всякая* политическая организация, выступающая под национально-освободительными лозунгами, объективно выступает за власть своей национальной буржуазии (поскольку *нация по сути своей есть организация, созданная и руководимая либо буржуазией, либо неоазиатской бюрократией*⁹) - а следовательно, ее лидеры и аппарат управления либо изначально находятся под контролем национальной буржуазии, либо вскоре после ее создания скупаются ею на корню. Следовательно, все национально-освободительные организации, какими бы оппозиционными правящим режимам они ни были, *в ходе грядущего третьего империалистического передела мира поддержат свои национальные государства в их войне*. Все эти фундаменталисты, сапатисты, маоисты, сандинисты, кастристы, тупомаровцы, сендеролуминосовцы и прочие курдские рабочие партии и национальные фронты будут вести себя точно так же, как вело себя, к примеру, украинское национально-освободительное движение в годы первой мировой войны.

Как известно, украинские националисты - как "социалисты", так и не-социалисты - болтались между империализмом Антанты и империализмом Тройственного союза, поочередно продавая украинских рабочих и крестьян на пушечное мясо то одному, то другому. Против пролетарской революции в бывшей Российской империи украинские националисты выступили под знаменем все той же национальной идеи. Как в результате стали относиться к Украинематери, к украинской национальной идее, к украинской культуре *украинские* рабочие и крестьяне - великолепно описал не кто иной, как один из виднейших лидеров и идеологов тогдашнего украинского национализма, "социал-демократ" и верный слуга Антанты Владимир Винниченко:

"...шрапнель пушек с той стороны Днепра осыпала крышу... Центральной Рады (речь в цитируемых отрывках идет о январе - феврале 1918 г. - В. Б.). А пушки те были наши собственные, не из Московии привезенные, принадлежали они нашим украинским воинским частям. И большинство большевистского войска состояло из наших же солдат: те же наши полки имени Дорошенков, Сагайдачных, стоявшие в Киеве, они нас тащили за косы и били сапогами в спину. Латыши и русские только руководили ими, только командовали и

организовывали. Без этих "гетманских" полков никакие латыши и русские ничего не сделали бы... Это надо честно и искренне признать.

...я умышленно поехал не в Житомир, а на другой конец Украины, на юг. Я ехал восемь дней среди солдат, крестьян и рабочих, меняя своих соседей на многочисленных пересадках. Таким образом, я имел случай видеть на протяжении этих дней словно в разрезе народных слоев их настроение.

Я рекомендовал бы всем правителям и правительствам время от времени проехаться по своему краю в телячьих вагонах, набитых "их" народом, и, смешавшись с ним, послушать его. Это - полезнее, чем несколько десятков совещаний с парламентскими фракциями.

Я к тому времени уже не верил в особенную привязанность народа к Центральной Раде. Но я никогда не думал, что могла быть в нем такая ненависть. Особенно среди солдат. И особенно среди тех, которые не могли даже говорить по-русски, а только по-украински, которые, значит, были не латышами и не русскими, а своими, украинцами. С каким презрением, злостью, с какой мстительной издевкой они говорили о Центральной Раде, о Генеральных Секретарях, об их политике.

Но что было в этом действительно тяжело и страшно, так это то, что они вместе с тем высмеивали и все украинское: язык, песню, школу, газету, книжку украинскую. Впечатление было такое, словно разозленный матерью сын вывел ту мать на площадь, сдирал с нее одежду, бил ее по лицу, бросал в грязь и выставлял ее, голую, побитую, растерзанную, на посмешище, на издевательство, на публичный стыд и позор. И делал это с каким-то таким необычным, диким, циничным сладострастием и злостью..." [12, с. 254 - 255, 259 - 260. Перевод цитаты с укр. яз. мой. - В. Б.].

Если третий большой передел мира начнется - а пока что не видно никакой силы, которая могла бы воспрепятствовать его началу, - то эта картина неизбежно повторится в ходе грядущих войн и революций на разных континентах, во множестве стран. Предстоящие человечеству в XXI веке революции в средне- и слаборазвитых странах не будут национально-освободительными, патриотическими - напротив, они будут *антипатриотическими*, направленными

в первую очередь против буржуазии в своих же собственных странах, против ее государств и ее патриотической идеологии.

С нами наверняка не согласится Ю.И. Семенов, который дает иной, чем мы, прогноз на будущее:

"В действительности существует и другой - оптимистический (для периферии и человечества) вариант. В России берут верх патриотические левые силы. Возникает союз России, Китая и Индии, становящийся ядром, вокруг которого объединяются если не все, то большинство стран периферии. Возникает своеобразная организация периферийных наций и военный союз, имеющий целью оградить периферийные страны от угроз и агрессии Запада. Тем самым сокращается, а затем и исчезает почва, которая питает исламизм и глобальный террор. Объединившись, периферия добивается ликвидации экономической и политической зависимости от Запада и тем самым перестает быть периферией. Исчезает паракапитализм. Рушится глобальное классовое общество. Вновь, как это было до крушения СССР, возникает вторая мировая система, второй центр, возникает сила, способная дать отпор всем притязаниям Запада.

В результате Запад лишается возможности эксплуатировать незападные страны. Однако это еще не все. Выше уже приводились цифры, из которых следует, что даже по чисто физическим причинам страны периферии в принципе не могут сравняться по уровню производства и потребления с государствами центра. Но это не единственный и даже не главный вывод. Суть состоит в том, что развитие стран периферии невозможно без ограничения потребления природных ресурсов странами ортокапиталистического центра. Ясно, что центр на это никогда добровольно не пойдет. Источники природных ресурсов, используемые им, в большинстве своем находятся на территории периферийных стран. Запад настолько кровно заинтересован в свободном доступе к этим источникам, что в новой "Стратегической концепции НАТО", одобренной в апреле 1999 г., специально оговаривается, что союз оставляет за собой право на вооруженные действия в любой части мира в случае перебоев в поставке жизненно важных ресурсов. С созданием второго центра, обладающего реальной

силой, доступ ортокапиталистического центра к природным ресурсам будет резко ограничен.

Лишившись возможности эксплуатировать западные страны и использовать в неограниченном количестве их природные ресурсы, ортокапиталистический центр вынужден будет пойти на перестройку всей своей социально-экономической структуры. Уничтожение паракапитализма с неизбежностью приведет к крушению и ортокапитализма. Капитализм на земле перестанет существовать. Его сменит иной общественный строй.

...Если реализуется оптимистическая альтернатива или другая, близкая к ней, на Земле утвердятся принципиально новый общественный строй - коммунистический" [30, с. 204-205].

"Не исключено, что Россия, как это полагали теоретики евразийства еще в 20-х годах, объединит вокруг себя значительную часть стран периферии и поведет их на штурм бастионов центра" [32, с. 330].

Можно утверждать с уверенностью, что если бы развитие человечества пошло по сценарию Семенова, то, вопреки его ожиданиям, капитализм сохранился бы, а коммунизм наверняка не смог бы утвердиться на Земле: именно тот союз России, Китая и Индии, о котором мечтает Семенов, погубил бы антикапиталистические революции и спас бы капитализм от гибели.

Дело в том, что *любые патриотические силы*, придя к власти, неизбежно довольно скоро (как правило, просто сразу) отдадут эту власть в руки либо буржуазии, либо неоазиатской бюрократии. Полностью лишит эксплуататорские классы власти - хотя бы на какое-то время - может *только антипатриотическое, осознанно антигосударственное* восстание эксплуатируемых классов. Если у власти в государствах, борющихся с США и другими высокоразвитыми капиталистическими державами, будут *патриоты - безразлично, "левые" или откровенно правые* - то это будет борьба, *объективно* (то есть независимо от того, каких идей придерживаются эти самые патриоты и какие цели они перед собой ставят) направленная на переход доминирующей роли в мире от одних держав к другим *при сохранении эксплуататорского, классового общества* (капитализма или неоазиатского общественного строя) *во всем мире*. Именно такую борьбу в свое время вели Советский Союз и Китай, принявшие участие в

империалистическом разделе мира и превращавшие поддерживаемые ими компартии и национально-освободительные движения в орудия этого раздела.

Однако история - очень ироничная дама - сыграла с неоазиатскими государствами злую шутку. Ирония истории на сей раз заключалась в следующем: для того, чтобы одержать верх над своими соперниками на мировой арене, неоазиатской бюрократии СССР и Китая были нужны машины и новейшие технологии - а для того, чтобы их получить, пришлось выжимать из своих государственных рабочих последние соки, гнать на Запад дешевое сырье и взамен получать машины и новейшие технологии. Таким образом, *борясь с высокоразвитыми империалистическими державами, неоазиатская бюрократия вновь загнала эксплуатируемые классы своих стран в полуколониальную кабалу*¹⁰, логическим завершением которой стала реставрация изначально неэффективного капитализма в СССР и Китае.

Иначе и быть не могло: *в эпоху империализма те национальные буржуазии, которые успели занять доминирующие позиции на мировом рынке к моменту возникновения монополистического капитализма, обладают экономической мощью, достаточной для того, чтобы не уступить никому свое лидерство. Все попытки более слабых национальных буржуазий и неоазиатских бюрократий победить своих удачливых соперников заведомо обречены на поражение. До тех пор, пока существует капитализм, господами мира будут те же державы, что и сейчас; а те государства, которые попытаются оспаривать их лидерство, рано или поздно вновь станут их послушными вассалами.*

Судя по всему, что происходит в мире, большинство фракций буржуазии таких среднеразвитых стран, как Россия, Индия и Китай, а также слаборазвитых стран и не пытаются всерьез оспаривать лидерство таких гигантов, как США, Англия, Франция, Германия... Если капиталисты средне- и слаборазвитых стран ведут борьбу с буржуазией одних высокоразвитых стран, то обычно они делают это под покровительством буржуазии других высокоразвитых стран. И какие бы патриоты - правые или "левые" - ни приходили к власти в средне- и слаборазвитых государствах, *все они вели, ведут и будут вести именно такую политику*: вся их антиимпериалистическая риторика оказывалась, оказывается и

будет оказываться лишь популистской болтовней¹¹. Как это ни парадоксально, *действительно* направленным против господства богатейших империалистических держав может быть только *антипатриотический, разрушающий государство своей же национальной буржуазии и тем самым лишающий весь мировой капитал инструмента контроля над данной территорией* антикапиталистический бунт. Только такой антинационалистический бунт действительно противоречит правилам игры мирового капитализма; все остальные варианты развития общества укладываются в рамки мирового империализма, не разрушая, но в конечном счете лишь укрепляя эту систему.

Таким образом, становится очевидным, что прогноз Семенова утопичен. Во-первых, никакие патриоты - какая бы ни была у них доктрина и фразеология, пусть хоть сто раз "коммунистическая" - не будут реально бороться за переход к коллективистскому обществу, к коммунизму. Во-вторых, придя к власти, они, скорее всего, не будут реально бороться против США и других империалистических гигантов - скорее уж будут бороться между собой, как хрущевско-брежневский СССР с маоцзэдуновским Китаем или как Иран с Ираком в 80-е гг. В-третьих, даже если они и будут бороться с такими гигантами, как США, то кончится эта борьба в лучшем случае тем же, чем у СССР, а в худшем - тем же, чем у Ирака... Нет, наш прогноз, несмотря на его кажущуюся фантастичность, гораздо более обоснован, чем прогноз Семенова.

К сожалению, Ю.И. Семенов вообще склонен идеализировать антиамериканские буржуазные силы. Так, он высоко оценивает антиглобалистское движение и *по его фразеологии* делает вывод о его антикапиталистической направленности [30, с. 198], в то время как *на деле* это движение является просто инструментом борьбы тех национальных буржуазий (прежде всего - французской¹²), которые конкурируют на мировом рынке и мировой политической арене с буржуазией США, против этой последней. А то, что митинговая "массовка" этого движения состоит в основном из молодых людей с *субъективно* более-менее левыми взглядами... так разве мало монополистическая буржуазия использовала в своих интересах социалистически, коммунистически, анархистски настроенные массы в течение всего XX века? *Любые* идеи и фразы

можно использовать для укрепления власти капитала, если ловко использовать их и умело организовывать и направлять их сторонников...

Когда мы спорим о том, возможна ли пролетарская революция в США, Западной Европе или Японии, следует учитывать, что утверждение:

«Всеобщая неуверенность в завтрашнем дне, наличие обширных зон запустения и упадка, огромные масштабы официально признанного пауперизма—таковы неотъемлемые черты капиталистической действительности наших дней.

Тенденция к относительному ухудшению условий жизни рабочего класса, увеличение разрыва между достигаемым в ходе упорной борьбы уровнем материального благосостояния рабочего класса и объемом потребностей, связанных с повышением стоимости рабочей силы, «усложнением» труда и его большей интенсивностью,—все это представляет неоспоримый факт» [22, с. 207], - остается актуальным для *высокоразвитых* капстран по сию пору. Это подтверждает Х.А. Барлыбаев, приводящий в своей богатейшей фактами книге данные, согласно которым в США доля бедных увеличилась с 25 млн. в 70-е годы до 36,4 млн. человек в 1995 году [2, с. 23]. Да и не только со слов Барлыбаева мы можем убедиться в том, что в богатых странах много бедняков... Когда автор этих строк был в Испании (зимой 1994-95 гг.), в гостях у своих знакомых, он сам несколько дней жил в квартире бедной барселонской школьной учительницы; квартира была в старом доме, и вход в туалет находился на... балконе, так что в случае нужды приходилось буквально «бегать до ветру» (сама квартира—две маленькие комнатки, в которых жила учительница с сыном-школьником, и кухня). Автор общался с другой учительницей, которая (припомним, что дело происходило не в какой-нибудь нищей стране СНГ, но на родине бывшего генсека НАТО) выложила четверть своей зарплаты на то, чтобы запломбировать зуб своему младшему сыну... Короче говоря, и сегодня в высокоразвитых капстранах многим пролетариям и близким к пролетариату социальным группам нечего терять—как и в XIX веке,—кроме своих цепей.

Вот что действительно делает пролетариев высоко- и среднеразвитых стран очень тяжкими на революционный подъем - хотя и *не устраняет принципиально возможность такого подъема*, - так это *высокая степень*

разобщенности пролетариев в современных больших городах. Чтобы понять, в чем здесь дело, приведем пример "от противного" - Албанию, где в 1997 г. народное восстание молниеносно охватило страну¹³.

Современное албанское общество всё еще затронуто индустриализацией меньше, чем любая другая европейская страна: рост городов, миграции населения из деревень в города, из одних городов в другие, расселение работающих на одном предприятии людей в разных концах города, размельчение (нуклеаризация) семей в этой стране не зашли так далеко, как, скажем, в России. Не только в деревнях, но и в городах Албании соседи с детства знают друг друга - так же, как и их предки в нескольких поколениях; они не только живут рядом, но и связаны друг с другом узами родства, личной и семейной дружбы, работы на одном предприятии. В Албании редко встретишь обычную для крупных городов СНГ ситуацию, когда люди плохо представляют себе, кто их соседи по подъезду. В такой стране, как Албания, люди возмущаются не в одиночку, а совместно, и потому склонны, чувствуя поддержку близких, претворять свое возмущение в решительные действия, быстро приобретающие массовый характер. Если искра проскочит в одном доме - запылает квартал, вспыхнет квартал - загорится город; а много ли надо времени в маленькой стране с относительно высокой (на равнинах) плотностью населения, чтобы искры народного гнева разлетелись по всем городам? Албания - еще во многом страна XIX века; а в позапрошлом веке восстания крестьян и рабочих вспыхивали в странах Средиземноморья с легкостью необыкновенной...

Чем более индустриализована страна, тем больше процент отношений индивидуального управления (что это такое - см. ниже) в системе отношений между пролетариями или между государственными рабочими, тем меньше остатков общинных коллективных отношений между ними - и, следовательно, тем легче капиталистам или неоазиатским бюрократам манипулировать ими. Следует, однако, повторить, что это обстоятельство хотя и сильно мешает начинаться пролетарским революциям в наши дни, однако не устраняет совсем возможность таких революций.

Эксплуататорский строй при прочих равных условиях тем более крепок, чем больше он способен перетягивать в лагерь эксплуататоров самых энергичных и инициативных людей из лагеря эксплуатируемых.

К примеру, русский капитализм в начале 1990-х годов проявлял такую способность. Самые энергичные и беззастенчивые выходцы из низов могли податься в бандиты или в торговцы, и, при наличии везения, подняться наверх. Сейчас ситуация изменилась до такой степени, что ее изменение заметили журналисты из разных и даже конкурирующих буржуазных политических течений.

«Гражданской войны в России не случилось только потому, что изрядное число пассионариев политическим действиям предпочло бандитизм... При всей своей монструозности и хаотичности Система образца начала 90-х была более жизнеспособна, чем нынешняя, поскольку... в ней имелись места для пассионариев. Нынешняя, уверовав в свою железобетонность, таковых не предусматривает... Сегодня шлюзы закрыты. А значит, у Революции есть еще один шанс...» [цит. по: 15, с. 282].

По данному вопросу с фашистской «Лимонкой» согласен известный либеральный журналист Л. Радзиховский:

"Против чего дружат эти неумытые революционеры? Не против Путина, не против банков, не против Америки, не против "черных", не против "жидов", не против интеллигентов... Это все семечки, детали. Они - против той жизни, которая против них. У них все время по усам течет - а в рот им ни черта не попадает. И они знают - никогда и ни за что не попадет..."

Такая зависть, такое унижение, такое попранное чувство справедливости - все это было динамитом всех классических революций. Когда раздался первый рык нового русского капитализма, казалось, что уж новой революции у нас не будет - "проклятьем заклеянные" ушли в "братья-1" или в мелочную торговлю. "Красные гвоздики" остались в петлице карденовского костюма г-на Зюганова и в трясущихся руках анпиловских "комсомолок 20-х годов". Но сейчас, похоже, что-то может измениться.

Русский капитализм, не успев развернуться, впал в социальный застой. Перспективы "пацанов" стали совсем узкими. Те "пацаны", кому было 16-18 лет в

1990-93 гг., или перебиты, или стали "бизнесменами", но на рабочих окраинах подросли новые, из Чечни возвращаются те, кого научили воевать, - а капитализм-то, увы, не расширяется. Новые толпы - в отличие от начала 1990-х годов - пролезть в игольное ушко российского капитализма не могут. Желающих "приподняться" куда больше, чем свободных мест - вкусные места заняты, новые появляются очень нечасто.

Низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут предоставить им возможность жить по-новому. Нет, это - не революционная ситуация. Но она не революционна только потому, что нет революционеров. Динамита революции становится все больше - спичек нет и поджигателей не видно. Пока не видно" [28].

А вот что пишет обозревательница леволиберальной «Новой газеты» Юлия Латынина, рассуждая о перспективе *солдатских бунтов*:

«Российские генералы столкнулись, кажется, с новой проблемой. Их солдатики организованно бегут из частей.

Раньше солдаты бежали поодиночке, пристрелив предварительно парочку сослуживцев и прихватив с собой автомат...

И вот новая беда. Солдаты уже не расстреливают коллег поодиночке: они бегут, ни в кого притом не стреляя, организованными группами...

А что, если за неорганизованной стрельбой и организованными побегамы начнутся солдатские бунты?

Это форма протеста, весьма характерная для архаических обществ. Но что произойдет, если архаичная форма общественного протеста случится в ракетной части, боеголовки которой могут разнести хоть Кремль, хоть Вашингтон?...

А если бунт случится не в ракетной части, а в обычной, но его поддержит население?

Странное дело. В нашей нищей России, разделенной на две неравные половинки сверкающими дверями бронированных «Мерседесов», мы совсем забыли о такой вещи, как социальный взрыв. Революция. Революции не было ни в начале 90-х, когда кончились деньги и продукты, ни в 98-м после дефолта.

Однако не следует забывать, что в начале 90-х нищие молодые люмпены уходили не в революционеры, а в бандиты. Мы вряд ли когда подсчитаем, какой огромной силы социальный взрыв был поглощен организованными преступными

группировками. И какое количество потенциальных разиных и пугачевых собирало бабки с ларьков и ездило на стрелки. Сейчас ларьки и стрелки кончились, а социальная ненависть осталась.

В нашу армию не идут богатые. Не идут умные. Не идут здоровые.

Так уж в военкоматах обустроена система взяток, что наши солдаты оказываются самым угнетаемым, самым обездоленным – и при этом весьма организованным классом общества.

И если с этим ничего не делать, то рано или поздно самый угнетаемый класс России возьмется за оружие. Которое ему каждый день выдают угнетатели» [21].

Молодые пролетарии (*а это не только промышленные рабочие*), в отличие от пролетариев, выросших в брежневские времена, куда меньше склонны к иллюзиям о государстве, так как привыкли к тому, что государство для них не опекун, но враг. При этом молодые пролетарии куда больше привыкли к самостоятельности и инициативе. Найти новую работу им значительно легче, чем пролетариям предпенсионного возраста, поэтому они гораздо меньше склонны сносить от начальства все, что оно пожелает, лишь бы только удержаться на рабочем месте. Пролетарское состояние не является для них, желавших пролезть в буржуи, своим, естественным, поэтому они будут стремиться из него выйти, а горькая действительность заставит их понять, что выйти из этого рабского состояния можно только всем вместе и только путем революции. Опыт прошлых поражений и неудач рабочего класса не тяготеет над их памятью, он для них – отдаленная история, и воспоминания о неудаче Октябрьской революции столь же не помешают им подняться на новую революцию, как не помешали пролетариям в 1917 г. воспоминания о неудаче восстания Степана Разина.

При этом следует подчеркнуть, что рабочая борьба в России - в условиях отсутствия устойчивого капиталистического прогресса - имеет и будет иметь взрывной, скачкообразный характер, и что вслед за длительными периодами пассивности и подавленности будут происходить внезапные вспышки, подобно тому, как это случилось в 1998 г.

Конечно, в свете сказанного выше о разобщенности современного пролетариата - всего в мире вообще и СНГ-овского в частности - кажется

невероятным, чтобы новые вспышки классовой борьбы превратились в серию восстаний по всему миру, в *мировую революцию*. Еще труднее представить себе, что эта мировая революция окажется победоносной - то есть что пролетарии, такие атомизированные сегодня, сумеют (хотя бы и с помощью современных компьютерных систем) начать налаживать коллективное самоуправление и превращать человечество в единую бесклассовую, не делящуюся на начальников и подчиненных компьютеризованную общину¹⁴. Однако здесь нужно отвлечься от нынешней разобщенности пролетариев как от *временного, второстепенного явления* - и проследить *глубинные* тенденции развития мирового монополистического капитализма, на основе которых только и можно будет сделать достоверный прогноз дальнейшего развития человечества. Нужно последовать старой даосской притче:

"Циньский Мугун спросил Радующегося Мастерству:

- Нет ли в твоём роду кого-нибудь другого, чтобы послать на поиски коня? Ведь годы твои уже немалые!

- У сыновей [моих, вашего] слуги, способности небольшие. [Они] сумеют найти хорошего коня, но не смогут найти чудесного коня. Ведь хорошего коня узнают по [его] стати, по костяку и мускулам. У чудесного же коня [все это] то ли угасло, то ли скрыто, то ли утрачено, то ли забылось. Такой конь мчится, не поднимая пыли, не оставляя следов.

Прошу принять того, кто [знает] коней не хуже вашего слуги. С ним вместе скованный, [я], ваш слуга, носил коромысла с хворостом и овощами. Это - Высящийся во Вселенной.

Мугун принял Высящегося во Вселенной и отправил на поиски коней.

Через три месяца [тот] вернулся и доложил:

- Отыскал. В Песчаных холмах.

- Какой конь? - спросил Мугун.

- Кобыла, кауряя.

Послали за кобылой, а это оказался вороной жеребец.

Опечалился Мугун, призвал Радующегося Мастерству и сказал:

- [Вот] неудача! Тот, кого ты прислал для поисков коня, не способен разобратся даже в масти, не отличает кобылы от жеребца. Какой же это знаток коней!

- Вот чего достиг! Вот почему он в тысячу, в тьму раз превзошел и меня, и других, [которым] несть числа! - глубоко вздохнув, воскликнул Радующийся Мастерству. - То, что видит Высящийся, - мельчайшие семена природы. [Он] овладел сущностью и не замечает поверхностного, весь во внутреннем и предал забвению внешнее. Видит то, что ему [нужно] видеть, не замечает того, что ему [не нужно] видеть; наблюдает за тем, за чем [следует] наблюдать; опускает то, за чем не [следует] наблюдать. Конь, которого нашел Высящийся, будет действительно ценным конем.

Жеребца привели, и это оказался конь поистине единственный во всей Поднебесной!" [13, с. 11-12].

Глубинные тенденции развития мирового капитализма, как уже было показано выше, ведут к *очередному, третьему империалистическому переделу мира*, который будет осуществляться через серию больших войн почти по всему миру. *Вот основной факт, из которого следует исходить, когда строишь прогнозы на XXI век.* И из этого факта с необходимостью следует, что, как мы уже неоднократно отмечали выше, грядущие большие войны приведут к тому, что пролетариат (прежде всего средне- и слаборазвитых стран) окажется вооружен, по-военному организован, доведен до отчаяния бессмысленной бойней - то есть готов повернуть оружие на своих же начальников.

Обычно, когда доказывают невозможность победоносных пролетарских восстаний в будущем, исходят из молчаливого предположения о том, что капитализм неограниченно долгое время останется таким, каков он есть сегодня - относительно мирным, ограничивающимся лишь небольшими (по сравнению с тем, что было шестьдесят с лишним и девяносто с лишним лет назад) войнами¹⁵. Нет ничего ошибочнее такого допущения: *наиболее достоверным сегодня является именно апокалиптический взгляд на ближайшие пятьдесят-сто лет.* Сегодняшняя относительная стабильность капитализма не должна заслонять от нас его ближайшую апокалиптическую перспективу - так же, как пол и масть коня

не отвлекали героя даосской притчи от его беговых качеств, на которые этому герою только и нужно было обратить внимание.

Как могли видеть уважаемые читатели, до сих пор мы были весьма скупы на конкретные детали. Показывая *в общих чертах*, как циклические закономерности монополистического капитализма с необходимостью приведут к третьему военному переделу мира монополиями и как этот передел, в свою очередь, приведет (в мире в целом и на постсоветском пространстве, в частности) к великим социальным потрясениям, мы настолько дистанцировались от конкретики места и времени, что даже не удосужились использовать в качестве источников издания, вышедшие в свет позднее 2005 года, и не указали как на материал для критики ни на одну публикацию, в которой излагались бы взгляды, отличные от воззрений автора этих строк (мы ограничились лишь общим пересказом некоторых из подобных взглядов, без ссылок на конкретные работы и авторов).

Для небольшого *социально-философского* исследования этого, в общем, достаточно: более детализированный анализ и разработанный справочно-библиографический аппарат необходим в собственно *научном* исследовании. Но вот что философское исследование просто *обязано* сделать для исследования научного - так это обогатить методологический инструментарий последнего, отшлифовать уже привычные методы и средства научного исследования (речь идет не только о методах познания, но и о понятийном аппарате) и, если получится, открыть новые.

До сих пор нам достаточно было использовать понятийный аппарат, наработанный марксистской политэкономией. Но для решения таких задач, как

- исследование современных монополий и их группировок, а также государств и государственных объединений с точки зрения степени их концентрации, централизации и согласованности их действий;

- исследование наций, национальных культур и религий как институтов и орудий для манипуляции массами и мобилизации их на войну того или иного характера;

– исследование степени атомизации разных группировок пролетариата и средних классов в различных регионах современного мира;

– и т. д., и т. п. - пригодится развитая автором этих строк и изложенная им в статьях, в докторской диссертации, а также в книгах "Собственность и управление" [5] и "Сущность человека" [7] теория трех основных типов отношений управления и соответствующих им типов отношений собственности. Кроме самой теории, я попытался изложить в перечисленных выше работах некоторые основные указания для разработки методик количественных анализов социальных явлений на базе данной теории.

Что же касается монографии "Сущность человека", то в ней я дал целый ряд *практических примеров* исследования в тех областях, которые тесно связаны с проблематикой нашего очерка, на основе этой новой теории управления и собственности. К этой монографии я и позволю себе отослать уважаемых читателей за дальнейшими подробностями; в данном же очерке ограничусь кратким пересказом самого основного в основах новой теории, чтобы читателям уже было понятно хотя бы в первом приближении, о чем идет речь. Когда вы, уважаемые читатели, дойдете до конца этого пересказа, весь данный очерк оставит у вас впечатление незаконченности; и если это впечатление и связанное с ним ощущение неудовлетворенности подтолкнет вас к дальнейшим исследованиям в намеченных мною направлениях - намеченных даже не столько в этом очерке, сколько в книге "Сущность человека", которую настоятельно рекомендую вам прочитать либо в бумажном виде, либо скачав ее электронную версию с сайтов www.ufaintell.narod.ru (Башкирское отделение Научного Совета РАН по методологии искусственного интеллекта) или www.dialog21.ru (Российское Философское общество - см. в библиотеке сайта), - значит, цель, ради которой я писал данный очерк, будет достигнута.

В определениях понятия «управление», встречающихся в научной литературе, царит полный разнобой. Так, В. И. Маслов пишет:

«Как известно, управление в самом общем виде – это целенаправленное воздействие на какую-либо систему для перевода ее из одного состояния в другое» [36, с. 149.].

Однако то, что известно Маслоу, по всей видимости, не известно автору статьи в Философском энциклопедическом словаре, определяющему понятие «управление» так:

«...элемент, функция организмов. систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая сохранение их определ. структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы, цели деятельности» [37, с. 704].

Автор этого определения не объясняет нам, почему управлением можно назвать лишь целенаправленное поддержание системы в одном и том же состоянии. Действительно, почему нельзя назвать управлением такое сознательное воздействие на систему, цель которого – ее изменение?

Чтобы понять, что такое управление, обратимся к тому, как воздействуют друг на друга, воспроизводят, изменяют друг друга бытие и сознание. Бытие порождает сознание и воздействует на него двояким образом – как тот субстрат, из которого состоит мыслящее существо, и как отражаемый, познаваемый объект. В свою очередь, сознание воздействует на бытие (в том числе и на само себя как часть бытия) и изменяет его: мыслящее существо строит планы и действует, изменяя (более или менее, но никогда не полностью осознанно и в соответствии со своими планами) окружающую действительность и само себя. Так вот, порождение сознанием действия – переход от сознания к действию, имеющий волевою природу, акт воли и состоящий из этих актов волевой процесс, - и есть управление. То, что управление есть волевой процесс, не означает, что он не материален: воля, как и мысль, осуществляется лишь постольку, поскольку осуществляются порождающие ее материальные процессы. Когда отдельный человек управляет своими действиями, то это означает, что в его организме происходят определенные материальные процессы; управление действиями группы людей осуществляется посредством такого же рода процессов во многих человеческих организмах, а также посредством их действий (в частности, по передаче информации друг другу¹⁶), осуществляющихся в материальном мире и приводящих к материальным результатам. Однако управлением эти материальные процессы являются лишь постольку, поскольку проявляют себя как цепь волевых актов.

Итак, управление – это переход от плана к его реализации. Всякое действие живого существа является управляемым в той степени, в какой за этим действием стоит элемент сознательного планирования. Микроб, поглощающий другого микроба, не управляет своими действиями; но человек, подносящий ложку ко рту, в очень большой мере управляет своей деятельностью по поглощению пищи. Все действия, которые человек совершает *в обществе*, как общественное существо, являются управляемыми. Итак, поскольку общественные отношения являются отношениями между людьми в процессе их сознательной, собственно человеческой деятельности; поскольку, во-вторых, управление есть непосредственная (по сравнению с планирующим сознанием и тем более с бытием, обуславливающим сознание) и при этом существенная причина действия, а всякая причина лежит (в той мере, в какой она существенна) в основе своего следствия,-- то из этого следует, что в основе всех общественных отношений лежат отношения в процессе управления человеческими действиями.

Существуют три основных типа отношений управления.

Индивидуальное управление – это когда каждый член данной группы людей сам управляет своей деятельностью, не «вмешиваясь в дела» других членов группы и не допуская их вмешательства в управление своими делами. (Пример - группа торговцев, случайно оказавшихся на рынке соседями по прилавку.) Члены такой группы *не связаны* друг с другом в процессе управления своими действиями: решения каждый из них принимает сам по себе.

Коллективное управление – это когда члены группы взаимодействуют друг с другом в процессе управления своими действиями, совместно управляют действиями каждого, «вмешиваются в дела друг друга». (Пример – несколько человек, перетаскивающих бревно, среди которых нет определенного лидера.) Такая группа представляет собой *коллектив*, члены которого *непосредственно связаны* друг с другом в процессе управления своими действиями: все вместе принимают единые решения. Коллектив – это единый субъект с единым сознанием, волей и действием.

Авторитарное управление – это когда члены группы не взаимодействуют друг с другом в процессе управления своими действиями, но все же *связаны*

между собой в этом процессе *посредством руководителя*, который управляет ими, не будучи в свою очередь управляем с их стороны (в отличие от коллектива, где каждый управляет всеми и все – каждым). Руководитель координирует (согласовывает) действия членов группы – своих *подчиненных*¹⁷ (в отличие от коллектива, где все его члены координируют действия друг друга), выполняющих принятые им решения; таким образом, эта группа тоже представляет собою единого субъекта – с единым действием, сознанием и волей (сознанием и волей руководителя). Однако это единство менее тесно, органично и прочно, чем единство коллектива как субъекта. Изымите из авторитарно управляемой группы руководителя – и она распадется; для того же, чтобы распался коллектив, из него обязательно нужно изъять значительное – по отношению к численности коллектива – число его членов.

Ни один из трех основных типов отношений управления практически никогда не встречается в чистом виде. Внутри любой группы людей – от нескольких человек до всего общества, взятого в целом – отношения индивидуального, коллективного и авторитарного управления перемешиваются в различных пропорциях, в большей или меньшей степени взаимопроникают и сплавляются друг с другом, образуя ряд переходных форм. Так, смешение индивидуального и авторитарного типов управления проявляется в том, что каждый подчиненный имеет более или менее обширный круг дел «в своей компетенции», управляя этими делами без или почти без участия руководителей; наложение авторитарного и коллективного типов друг на друга приводит к большему или меньшему контролю над руководителями снизу, к переизбираемости¹⁸ большего или меньшего процента руководителей подчиненными (через большие или меньшие сроки либо вообще в любое время по желанию подчиненных) и так далее. Однако как бы тесно ни сплавлялись друг с другом три типа отношений управления, но в любой группе можно, проведя анализ системы отношений управления, различить эти типы и подсчитать удельный вес каждого из них в данной системе. Измерительной шкалой при этом будет рабочее время: с ее помощью можно будет подсчитать, какой процент действий, совершаемых в совокупности всеми членами данной группы или

некоторой их частью, управляется (управлялся, будет управляться в тот или иной момент времени) индивидуально, коллективно или авторитарно.¹⁹

Методики таких подсчетов еще никогда никем не разрабатывались. Однако и без всяких методик, "на глазок" можно определить, что, например, в системе отношений управления производством, распределением и потреблением внутри первобытной общины (кстати, каждая такая община не была частью, одной из ячеек первобытного общества, но сама представляла собой общество как таковое) отношения коллективного управления преобладали над каждым из двух других типов отношений управления. Это проявлялось в следующем:

– самые важные решения принимались всей общиной в целом на ее собраниях, *при этом вожди и старейшины отнюдь не играли решающей роли* (да и как они могли бы закрепить за собой такую роль, если внутри общины не было такой силы, на которую они могли бы опереться для того, чтобы подавить и подчинить остальных общинников: в классической, еще не начавшей разлагаться первобытной общине все ее взрослые члены - и мужчины, и женщины - были примерно одинаково вооружены) - проекты решений обсуждались до тех пор, пока члены общины не приходили к единому мнению, и только тогда решение считалось принятым;

– любой лидер в общине мог быть переизбран ею *в любой момент*, и вообще зачастую сама *должность* лидера была не постоянной, а возникала лишь в привязке к какому-то отдельному мероприятию (например, к выходу общинников на охоту или на сбор полезных растений), по окончании которого не только избранные на эту должность люди вновь растворялись в массе общинников, но и сама данная "вакансия" исчезала (чем чаще первобытные общины нуждались в том, чтобы той или иной стороной их жизнедеятельности *постоянно кто-то руководил*, тем в большей мере они *переставали быть первобытными*; если же мы видим, что в каком-то племени уже имеются пожизненные, а тем более наследственные вожди, - значит, *это племя уже не первобытное*, каким бы примитивным оно ни было: здесь мы уже имеем дело с ранними ступенями развития *цивилизации*);

– распределение материальных благ в общине было в огромной степени уравнивающим, и производилось оно под жестким контролем всей общины; привилегии лидеров были крайне незначительны; сам процесс потребления каждым общинником своей доли материальных благ происходил до такой степени под контролем и при участии всей общины, что потребление первобытных людей *не было индивидуальным* - это было *коллективное потребление*.²⁰

Также очевидно, что в цивилизованном обществе, разделенном на классы, народности и государства, отношения коллективного управления экономической деятельностью отошли далеко на задний план по сравнению с отношениями авторитарного и индивидуального управления. Типичными, основными отношениями управления в производстве, распределении, обмене (особом виде распределения, развившемся по мере превращения продуктов труда в товары) и потреблении стали отношения не между равноправными сотрудниками, совместно управляющими своей деятельностью, а между начальником и подчиненным, между продавцом и покупателем, между конкурентами.

Как видим, при переходе от первобытной общины к цивилизованному обществу система отношений управления экономической деятельностью - а следовательно, и система вообще всех тех общественных отношений, которые складываются между людьми в процессе экономической деятельности и основаны на отношениях управления ею - очень сильно изменяется. Чем же порождаются эти коренные изменения? - Да не чем иным, как развитием производительных сил. Когда предметами труда были дикие животные, растения, камни и кости, орудиями труда - каменные рубила, топоры, копья, луки и стрелы с костяными наконечниками; когда общество, способное прокормить себя с помощью таких средств производства, никак не могло быть больше нескольких сотен человек; когда каждый взрослый человек умел делать все или почти все то же, что и любой другой его соплеменник; когда житейские проблемы были просты и ясны, вариантов их решения было немного и для того, чтобы выбрать из них оптимальный и прийти по поводу него к единому мнению, даже нескольким сотням людей, изъясняющимся на примитивном языке, вполне хватало нескольких часов; когда, наконец, перед каждым человеческим стадом стояла

альтернатива - либо гибель в междоусобных драках, либо превращение в *первобытно-коммунистическую* общину,²¹ - тогда люди естественным образом организовывались в производственные *коллективы*. С переходом же от охотничье-собирательских производительных сил к земледельческим, скотоводческим и ремесленным производительность труда стала повышаться, количество видов деятельности - возрастать, в результате чего развились профессиональная специализация и товарообмен; иными словами, доля отношений индивидуального управления производством, распределением и потреблением начала возрастать по сравнению с долей отношений коллективного управления экономической деятельностью. Вследствие повышения производительности труда и развития товарообмена человеческие общности укрупнились - на смену прежним замкнутым маленьким общинам пришли большие народности. Необходимость организации труда больших масс людей, зачастую специализирующихся на самых разных видах деятельности, потребность в управлении более крупными, чем первобытные общины, человеческими общностями обусловила возрастание доли отношений авторитарного управления в системе отношений управления экономической деятельностью. Появились специалисты по авторитарному управлению экономической деятельностью - начальники, совсем или почти не контролируемые своими подчиненными и тем самым в корне отличающиеся от любого лидера в первобытном коллективе. Власть начальников над подчиненными в сфере экономической деятельности оказалась под охраной *политической* власти - власти *государственного аппарата*, возникшего благодаря выделению в обществе по мере развития профессиональной специализации таких групп, как профессиональные военные, полицейские и судьи. Таким образом, развитие производительных сил, обусловившее в свое время смену человеческих стад первобытно-коммунистическими общинами, впоследствии привело к разложению этих первобытных коллективов, на смену которым пришло *классовое общество*.

Классы - это большие общественные группы, которые отличаются друг от друга:

- местом своих членов в определенной, исторически обусловленной системе производительных сил;
- местом своих членов в системе отношений собственности на производительные силы;
- ролью своих членов в управлении производством материальных благ;
- способом получения их членами своей доли общественного богатства;
- размером этой доли.²²

Различия по третьему и четвертому признаку - это и есть различия по месту в системе отношений управления производством и распределением. А вот второй признак связан с введением другого понятия - *отношения собственности*, сущность которого мы сейчас и рассмотрим.

В научной литературе имеет хождение много различных определений отношений собственности, и, так же как и определения управления, они зачастую в корне противоречат друг другу. Какое из них выбрать? - Наилучший выход - это создать свое собственное определение, хорошенько обосновать его, а затем уж с его позиций оценивать все остальные, данные ранее определения.

Когда мы указываем на какой-нибудь объект и говорим о нем: "это мое", "это твое", "это его", "а это наше" - мы тем самым говорим, что субъект А может управлять действиями с этим объектом, а субъект В нет (вернее, может, но лишь в том случае, если ему разрешит А, и в тех пределах, в каких разрешит А). Следовательно, отношения собственности определяют, кто, чем (или кем) и в каких пределах может управлять. *Отношения собственности - это отношения возможности управления действиями людей, а также теми предметами, с которыми и при помощи которых эти действия осуществляются.*

Отношение собственности никак не может быть отношением субъекта-собственника к объекту, являющемуся его собственностью. Если бы оно было отношением между объектом и субъектом, то оно, очевидно, определялось бы индивидуальными особенностями того и другого; но разве можно объяснить физическими и химическими особенностями лежащего в кошельке Петра

железного рубля, а также индивидуальными особенностями личности Петра то, что именно Петр, а не кто иной, является в данный момент собственником этой монеты? Конечно же, нет; следовательно, отношения собственности - это *отношения между членами общества по поводу объектов*, и монета является собственностью Петра благодаря тому, что он, как член общества, занимает в данный момент определенное место в сложнейшей системе отношений собственности, существующих в этом обществе по поводу всех находящихся в распоряжении последнего объектов, в том числе и по поводу пресловутой монеты, и определяющих, кто, как и в какой степени управляет этими объектами.

(Исключением не является и тот случай, когда рабочая сила одних людей является собственностью других. В данном случае первые выступают одновременно и в качестве субъектов, включенных в систему отношений собственности, и в качестве объектов, по поводу которых эти отношения существуют. В качестве объектов собственности - физических носителей рабочей силы - эти люди *не включены* в систему отношений собственности на их рабочую силу, последняя *отчуждена* от них.)

Отношения собственности не могут быть тождественны отношениям управления: последние существуют не иначе, как в процессе управляемой субъектом деятельности, что же касается отношений собственности по поводу данного объекта, то они сохраняются и тогда, когда собственник объекта не производит с последним никаких операций. Например, если Петр - собственник зубной щетки, то он остается им и тогда, когда она лежит без всякого применения; что же касается отношений управления своими действиями с этой щеткой, то он вступает в такие отношения с другими людьми, лишь начиная чистить ею зубы или еще как-нибудь употреблять ее (кстати, это будут отношения индивидуального управления). Отношения собственности вообще не могут быть тождественны таким общественным отношениям, которые существуют не иначе, как в процессе какой-либо практической деятельности с тем объектом, по поводу которого они существуют. Поэтому Карл Маркс был не прав, написав в своей работе "Нищета философии":

"...определить буржуазную собственность - это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства...

Стремиться дать определение "собственности" как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи, значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию" [23, с. 168], и тем самым отождествив отношения собственности со всей системой *производственных отношений*. На самом же деле отношения собственности на производительные силы - это именно особый вид производственных отношений наряду с отношениями управления экономической деятельностью (производством, распределением, обменом и потреблением), а также наряду с основанными на отношениях управления многообразнейшими отношениями в процессе экономической деятельности.²³

Отношения собственности - это отношения *социальной* возможности управления, которую не следует путать с физической возможностью управления. Например, если крестьянин Павел точно так же в силах обработать участок земли, принадлежащий Петру, как и сам Петр, то он обладает физической возможностью обработать Петрово поле, но, поскольку оно ему не принадлежит, не обладает социальной возможностью обработать данное поле (если только Петр не наймет его в батраки).

Отношения собственности *как таковые* не следует путать с *юридическим правом* собственности. Юридическое право собственности - это зафиксированное в законах признание государством одних отношений собственности желательными, а других нежелательными; при этом нежелательные для государства отношения собственности сплошь и рядом бывают *такими же реальными, существующими на деле*, как и желательные. Например, если А угонит машину у В, то он тем самым *насильственно изменит свое положение и положение В в системе отношений собственности, существующих по поводу данной машины*, то есть станет ее собственником, хотя и незаконным, но вполне реальным; и несмотря на то, что государство будет продолжать признавать право собственности на данную машину за В, А будет распоряжаться ею - до тех пор, пока преступление не раскроют, его не поймают, а машину не вернут В - как самый настоящий ее собственник: поедет на ней, куда захочет, перекрасит ее, продаст... Если же А не повезет, он будет пойман с еще не проданным

автомобилем, который государство вернет В, - это будет означать, что государство *снова изменило положение А и В в системе отношений собственности, существующих по поводу данной машины*, и притом изменило *насильственно*: силой (хотя и, разумеется, по закону; но насилие вовсе не перестает быть насилием и в тех случаях, когда оно совершается по закону и ради соблюдения закона) отняло у А принадлежавшую ему на тот момент машину и вернуло ее В.

Следует четко разграничить значения терминов "*собственность*" и "*отношения собственности*". Отношения собственности - это, как мы уже видели, отношения социальной возможности управления действиями людей, а также теми предметами, с которыми и при помощи которых эти действия осуществляются. Отношения собственности лежат в основе отношений управления (но не тождественны им), обуславливая, кто, чем и как (в какой мере) управляет. Собственность же - это тот объект, которым субъект может управлять в силу своего места в системе отношений собственности по поводу данного объекта.

Субъектом собственности может быть отдельный индивид, коллектив или авторитарно управляемая группа. При отношениях коллективного управления все члены группы в *равной* степени - стопроцентно - причастны к управлению деятельностью группы, а при отношениях авторитарного управления члены группы причастны к управлению ее деятельностью в *разной* степени, в зависимости от их положения на той или иной ступени иерархии. Поскольку *собственником объекта является тот субъект, который имеет реальную социальную возможность управлять деятельностью с этим объектом* (иначе говоря, субъект является собственником объекта *в той мере*, в какой он имеет реальную социальную возможность управлять деятельностью с последним), то можно сделать вывод, что при отношениях авторитарного управления члены группы в разной степени причастны к собственности на объекты, принадлежащие данной группе: начальники - в большей степени, подчиненные - в меньшей. А это значит, что если отдельный индивид и коллектив являются монолитными субъектами-собственниками, то авторитарно управляемая группа не столь

монолитна как субъект собственности. Отсюда, в свою очередь, следует, что во всякой авторитарно управляемой группе можно подсчитать, в какой именно мере тот или иной член группы причастен к ее собственности в данный момент времени. А поскольку ни один из трех типов отношений управления практически никогда не встречается в чистом виде, и даже в самом сплоченном коллективе всегда можно найти примесь отношений авторитарного управления, то в любой группе, осуществляющей кооперированную деятельность, *можно подсчитать степень причастности любого ее члена к ее собственности.*

Каждому из трех типов отношений управления соответствует особый тип отношений возможности управления - отношений собственности: отношения индивидуальной, авторитарной и коллективной собственности. В системе отношений собственности, присущей любой группе людей, все эти три типа присутствуют в различных, постоянно изменяющихся пропорциях, соответствующих тем пропорциям, в которых три типа отношений управления содержатся в системе отношений управления, присущей данной группе (хотя это соответствие и не абсолютно, но оно всегда есть). Эти пропорции также можно подсчитывать. Методики подобных подсчетов еще никогда никем не разрабатывались; начиная их разработку, стоило бы попытаться использовать в качестве измерительной шкалы рабочее время.

Чтобы усвоить понимание того, что отношения собственности - это отношения социальной возможности управления, следует покончить со старой юридической иллюзией, согласно которой можно быть собственником, не имея реальной возможности управлять своей собственностью, и управлять собственностью, не будучи ее собственником. Когда мы сделаем это, то убедимся, что термины "частная собственность", "государственная собственность", "общественная собственность", "долевая собственность" и т. п. до сих пор использовались так, что в разных случаях они указывают на совершенно различные комбинации отношений собственности, которые нельзя объединять под одной рубрикой (и напротив, сходные комбинации отношений собственности обозначаются разными понятиями). Например, "частная" капиталистическая монополия и владеющее частью производительных сил страны капиталистическое государство по своему положению в системе отношений

собственности гораздо больше похожи друг на друга, чем "частная" монополия и кустарь-одиночка; однако юристы и экономисты заносят мелкого ремесленника и "частную" монополию под одну рубрику - "частный собственник", противопоставляя обоих собственнику-государству. При этом обычно считается, что наемные менеджеры "частной" фирмы не причастны к собственности на нее, если не владеют ее акциями - хотя на самом деле менеджер, хотя бы и наемный и не владеющий акциями фирмы, причастен к собственности на нее по крайней мере в той степени, в какой он участвует в управлении данной фирмой. Что же касается государственной собственности на производительные силы, то с традиционной юридической точки зрения считается, что ни один - даже самый высший - государственный чиновник персонально не причастен к этой собственности, хотя на самом деле каждый чиновник государственного аппарата причастен к собственности на принадлежащие государству производительные силы в той или иной мере, соответственно своему положению в иерархии данного госаппарата.

Еще пример. Согласно традиционным юридическим понятиям, акционерная компания является "долевой собственностью" всех владельцев акций; на деле же мелкие держатели акций *нисколько* не причастны к управлению этой компанией и, следовательно, *ни в какой мере* не являются ее собственниками (ничуть не отличаясь в этом плане от вкладчиков банка, которые тоже ни в какой мере не являются собственниками банка).

Можно приводить еще много примеров того же рода; ограничимся одним. В СССР официально считалось, что производительные силы страны находятся в общественной собственности, к которой причастен каждый гражданин государства. На этом основании утверждалось, что в СССР существовало социалистическое общество - первая стадия коммунизма. Однако большинство граждан - рядовые, никем не командующие работники - были *нисколько* не причастны к управлению этими производительными силами, так же, как и любой рядовой наемный работник в капиталистической фирме. Следовательно, они не были причастны и к собственности на производительные силы страны; к ней, так же как и в любой капиталистической фирме, были причастны *начальники* - в разной мере, в зависимости от своего положения в иерархии внутри госаппарата.

Верховными собственниками производительных сил в СССР были высшие чиновники партийного и государственного аппарата. Следовательно, в Советском Союзе - так же, как и во всех других государствах мира - никогда не было коммунизма и социализма: социализм и коммунизм - это термины, указывающие на такое общество, в котором все (или почти все) его взрослые и психически более-менее вменяемые члены в равной (стопроцентной) или, по крайней мере, почти равной мере причастны к собственности на производительные силы этого общества, то есть общество является единым коллективом, владеющим и управляющим производительными силами и, кстати, не нуждающимся в государственном аппарате (в котором всегда преобладают отношения авторитарного управления и авторитарной собственности). В тех же странах, где государственной властью обладали так называемые "коммунистические" партии, существовала обычная цивилизация, обычное классовое общество, разделенное на господствующее меньшинство и подчиненное большинство: в большинстве случаев это был обычный монополистический капитализм, в некоторых же случаях (как, например, в СССР) - особый вариант классового общества, относительно которого до сих пор ведутся дискуссии, был ли это капитализм или же особый вариант индустриальной цивилизации, отличающийся от капитализма²⁴.

Литература

1. Агония капитализма и задачи Четвёртого Интернационала (мобилизация масс вокруг переходных требований как подготовка к завоеванию власти) // Бюллетень оппозиции (Большевиков-Ленинцев). 1938. №66-67. с. 1.
2. Барлыбаев Х. Путь человечества: самоуничтожение или устойчивое развитие. М., 2001.
3. Бугера В. К вопросу о классификации отношений управления // Экономика и управление. 1999. №3. с. 85-88.
4. Бугера В. Смысл жизни сегодня // "Марксист". 1993. №1. с. 55-59.
5. Бугера В. Собственность и управление: Философско-экономические очерки. М., 2003.

6. Бугера В. "Собственность": что кроется за этим понятием? // Экономика и управление. 2000. №2. с. 88-90.
7. Бугера В. Сущность человека. М., 2005.
8. Бухарин Н. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.
9. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003.
10. Варга Е. Современный капитализм и экономические кризисы. (Избранные труды). М., 1962.
11. Винер Н. Человек управляющий. СПб., 2001.
12. Винниченко В. Відродження нації. (Репринтне відтворення видання 1920 р.). Частина друга. Київ, 1990.
13. Даосские притчи. М., 1992.
14. де Жанври А. Крестьяне, капитализм и государство в Латинской Америке // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. в. 382-383.
15. Инсаров М. О причинах пассивности пролетариата // На смену марксизму и анархизму: Коллективизм - идеология революционеров XXI века. Б. м., 2004. в. 198-287.
16. Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2004.
17. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002.
18. Клифф Т. Государственный капитализм в России. Б. м., 1991.
19. Ковалевский С. Руководитель и подчиненный. М., 1973.
20. Кондратьев Н. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М., 2002.
21. Латынина Ю. Самый угнетаемый и вооруженный класс России // Новая газета. 2003. 13-15 января.
22. Ленинская теория социалистической революции и современность. М., 1980.
23. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.
24. Меньшиков С., Клименко Л. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М., 1989.
25. Островский А. Кто стоял за спиной Сталина? СПб.-М., 2002.
26. Пашенцев Е. Крах албанских "пирамид". М., 1997.

27. Платонов С. После коммунизма: Книга, не предназначенная для печати. М., 1990.
28. Радзиховский Л. Динамит рядом // Время МН. 2002. 17 сентября.
29. Румянцев А. Первобытный способ производства. 2-е изд. М., 1987.
30. Семенов Ю. Введение во всемирную историю. Выпуск 3. История цивилизованного общества (XXX в. до н. э. - XX в. н. э.). М., 2001.
31. Семенов Ю. Происхождение брака и семьи. М., 1974.
32. Семенов Ю. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М., 1999.
33. Тиктин Х. Тезисы о природе эпохи (на англ. и рус. яз.) // Материалы международного научно-практического colloquium "Либеральные и авторитарные общества: прошлое, настоящее, будущее" (г. Уфа, 28-30 марта 2002 г.). Уфа, 2002. с. 3-14.
34. Уиннингтон А. Рабы Прохладных гор. М., 1960.
35. Упадок капитализма. М., 2001.
36. Усенин В., Каленский В., Маслов В. Современное капиталистическое предприятие и хозяйская власть. М., 1971.
37. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
38. Фромм Э. Революция надежды. СПб., 1999.
39. Хазанов А., Куббель Л., Созина С. Первобытная периферия докапиталистических обществ // Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1974. с. 140-204.
40. Novack G. Democracy and Revolution. New York, 1971.

¹ Вот как описывает - и описывает совершенно точно - ситуацию в капиталистическом *мирном* производстве того времени программа IV Интернационала, написанная Л. Троцким:

«Производительные силы человечества перестали расти. Новые изобретения и усовершенствования не ведут уже к повышению материального богатства. Конъюнктурные кризисы, в условиях социального кризиса всей капиталистической системы, обрушиваются на массы всё более тяжкие лишения и страдания. Рост безработицы углубляет, в свою очередь, финансовый кризис государства и подкапывает расшатанные денежные системы. Демократические правительства, как и фашистские, шествуют от одного банкротства к другому» [1].

² Подробнее об этом см. в трудах академика Варги, напр. в его работе "Экономика капитализма во второй мировой войне" - и прежде всего следующий отрывок оттуда: 10, с. 339-351.

³ В отличие от свободно-конкурентного капитализма, где таким стимулом являлась пресловутая свободная конкуренция. Именно благодаря тому, что в XIX веке этот стимул действовал в полную силу, за каждым всемирным экономическим кризисом тогда следовал - независимо от каких бы то ни было войн - очередной скачок модернизации и роста мирного производства.

⁴ Одним из проявлений накопления этих противоречий являются *локальные войны*, которые *учащаются* по мере назревания очередной мировой войны. Такие же учащения локальных войн, как то, которое происходит на протяжении последних двенадцати лет, предшествовали и первой, и второй мировым войнам...

⁵ Подробнее об абсурдных, но, к сожалению, объективно реальных закономерностях развития монополистического капитализма см. хорошую книгу "Упадок капитализма" [35]. Итак, мы видим, что сегодня, как и в начале XX века, "двигательные пружины современной экономической жизни толкают капитал на путь агрессивной политики" [8, с. 83].

⁶ Что же касается тех политических сил, которые борются против империалистических войн *в рамках капитализма*, то, как показывает опыт истории капиталистического общества, ни одна политическая сила, интегрированная в буржуазную политическую систему, не способна помешать классу буржуазии развязать войну, если последний действительно сильно заинтересован в этой войне. А таких сил, которые не были бы интегрированы в буржуазную политическую систему, боролись бы против развязывания империалистических войн и при этом были бы достаточно сильны, чтобы реально влиять на ход истории, *сегодня* просто не существует (*но это не значит, что таких сил не будет никогда*).

Международные буржуазные организации, экономические и политические (ООН и многое множество других), можно совершенно не принимать в расчет как силы, способные предотвратить третий империалистический передел мира. Опыт последнего двадцатилетия убедительно показал, что если влиятельным монополистическим группировкам нужно развязать войну в том или ином уголке мира, то никакие организации, договоры, соглашения, нормы международного права не в силах помешать этому. Поэтому в нашей работе мы не тратим время и место на рассмотрение роли таких несущественных мелочей, как международное право и международные правовые институты, в процессе движения человечества к третьей всемирной резне. Не будем мы тратить время и на обсуждение несерьезных вопросов такого, например, рода: а разве так называемая "глобализация" не установит единый мировой порядок, благодаря которому можно будет предотвращать мировые войны? Или еще такого рода: а разве современная буржуазия не стала настолько космополитической, что противоречия между различными национальными буржуазиями снимаются той же пресловутой "глобализацией"? Хотя такие вопросы частенько приходится слышать, но показать их поверхностность настолько легко, что в нашем исследовании совершенно излишне тратить на них место и время.

⁷ На примере первых двух мировых войн нетрудно показать, что *они заканчивались именно тогда, когда переставали быть выгодным бизнесом – то есть когда казна воюющих государств истощалась, и они уже не могли оплачивать военные заказы, - причем терпели поражение не самые слабые, не хуже оснащенные технически армии, но армии тех государств, чья казна истощалась раньше, чем у их противников.*

Именно потому, что при монополистическом капитализме войны ведутся по законам бизнеса, можно с уверенностью утверждать, что в грядущих больших войнах оружие массового поражения – ядерное, химическое, бактериологическое – будет применяться лишь изредка и лишь теми странами, у которых его мало. Широкомасштабное применение подобного оружия *обесмысливает* современную войну, делая ее совершенно невыгодным бизнесом. Капиталу выгодно производить подобное оружие лишь как *оружие устрашения*, ему совсем не нужно применять его широко: зачем уничтожать настолько огромные массы человеческих жизней и материальных ценностей, что это сделало бы невозможным продолжение какого бы то ни было бизнеса на Земле? Поэтому можно с уверенностью принять как рабочую гипотезу, как руководство к теоретическому поиску и практическому действию то утверждение, согласно которому государства, обладающие огромными запасами оружия массового поражения, либо вообще не будут его применять, либо будут делать это крайне редко и не допустят эскалации его применения. Так было и во времена второй мировой войны, когда воюющие государства, обладавшие огромными запасами химического оружия, применяли его сравнительно редко и в малых масштабах даже тогда, когда очевидно проигрывали войну (самый яркий пример здесь – Германия).

⁸ Примеры таких среднеразвитых стран можно найти, скажем, в Латинской Америке:

“Начнем с рассмотрения трех хорошо известных фактов, характеризующих рост латиноамериканских стран за последние 20 лет. Факт первый заключается в том, что хозяйства многих из этих стран были исключительно динамичны, показывая высокий темп промышленного роста, но что этот высокий темп роста был крайне нестабильным, систематически усугублял неравенство в распределении дохода. Лучший пример дает Бразилия, где среднегодовой темп роста ВВП в период 1965-1980 гг. составил 8,5%, но в 1980-1982 гг. упал до минус 0,3%. Доля дохода богатейших 20% населения страны увеличилась с 54% в 1960 г. до 62% в 1970 г. и 63% в 1980 г. Второй факт состоит в том, что, несмотря на значительную вертикальную мобильность, уровню реальной зарплаты неквалифицированных рабочих в течение долгого времени не удавалось значительно подняться, а промышленный рост даже в период экономических бумов не мог принять оказавшуюся избыточной рабочую силу. В Чили, например, в то время как ВВП рос ежегодно в среднем на 8,5% в 1977-1980 гг., официальный уровень безработицы составлял 18%, а реальная заработная плата была на 20% ниже уровня 1970 г.. Третий факт состоит в том, что наиболее высокий темп роста показали сектора, где производились дорогостоящие потребительские товары, автомобили или бытовые электроприборы и средства производства, а отнюдь не сектора, производящие товары широкого спроса» [14].

⁹ Определение неоазиатской бюрократии как класса, господствовавшего в государствах с *неоазиатским способом производства* (СССР и нек-рые другие), см. в моих монографиях "Собственность и управление" [5] и "Сущность человека" [7].

¹⁰ Как правильно отметил историк А. В. Островский, "...И. В. Сталин... встал во главе термидорианского, контрреволюционного по своей сути переворота, именно он разгромил партию, совершившую революцию, ликвидировал многие ее завоевания, восстановил эксплуатацию страны иностранным капиталом, обрек на нищету миллионы крестьян" [25, с. 4].

Островский совершенно правильно констатирует, что СССР при Сталине вовсе не выпал из мирового рынка. Вообще говоря, *СССР на протяжении всего своего существования был частью единого мирового рынка* - что бы там ни говорил Борис Кагарлицкий, голословно заявляющий, что якобы "именно в годы "великого перелома" советское хозяйство приняло закрытый характер, отделившись от мирового рынка" [16, с. 453]. Кагарлицкий выдает тот факт,

что СССР был *единой* фирмой, торговавшей на мировом рынке, и что *вся* внешняя торговля СССР контролировалась Кремлем, за "отделение" от мирового рынка (эта логическая передержка у него не единственная: так, в конце цитируемой нами книги "Периферийная империя" он изо всех сил пытается преувеличить зависимость современной России от более сильных империалистических держав. Для Кагарлицкого вообще характерно сочетание "левой" фразеологии с практически-политическими реверансами в сторону последовательных, то есть *крайне правых*, оппозиционных русских державников - а именно, тех из них, которые ходят под красными флагами и называют себя "коммунистами", - отстаивающих интересы российского военно-промышленного комплекса еще более последовательно, чем путинский режим. Впрочем, в "Периферийной империи" подобные логические передержки не настолько часты, чтобы лишить эту информативную и богатую ценными обобщениями книгу научной ценности). На самом же деле к СССР времен Сталина и Хрущева отнюдь не в меньшей мере, чем к СССР 20-х или 60-х - 80-х гг., применимы слова самого же Кагарлицкого, которыми он характеризовал отношения между Западом и Московским государством в XVII веке:

"...укрепление военной мощи уживалось с зависимостью от иностранного капитала, который получал непосредственные выгоды от усилий государства" [16, с. 180].

Вспомним, сколько сырья и полезных ископаемых ушло за рубеж по дешевке при Сталине и Хрущеве...

Однако *погруженность в мировой рынок сама по себе вовсе не свидетельствует о наличии капитализма в СССР 30-х - 70-х гг.* - что бы по этому поводу ни говорили сторонники теории о капиталистической природе СССР, которым свойственно более или менее неосознанно *принимать общественно-экономическую формацию не только за комбинацию общественных отношений* (каковой она и является на самом деле), *но и за разновидность социального организма* (каковой она вовсе не является). Именно у тех людей, которые принимают разные общественно-экономические формации за разные социальные организмы и у которых никак не укладывается в голове, что *внутри одного и того же социального организма могут существовать разные виды и комбинации производственных и прочих общественных отношений со своими специфическими* (хотя и укладывающимися в общие законы развития данного социального организма) *законами развития* (подобно тому, как в человеческом организме мозг и почки развиваются хотя в общем по одним, но в частности все-таки не совсем по одним и тем же закономерностям), мы часто встречаем ту же логику, что у Тони Клиффа: мол, если СССР интегрирован в мировой капиталистический рынок, то из этого, якобы, следует, что в СССР был капитализм...

Впрочем, изредка случается и такое, что люди, стремящиеся рассматривать сложившийся к началу XX века единый мировой социальный организм непременно как одну, и не более, общественно-экономическую формацию, приходят к выводу, что эта формация не является капитализмом. Подобную точку зрения можно найти, к примеру, в нашумевшей в перестроечные времена книге "После коммунизма", автор которой, скрывшийся под псевдонимом "С. Платонов", обозвал эту измышленную им формацию "элитаризмом" [27, с. 248]. Такого рода воззрения еще сильнее мешают изучать действительные законы развития современного общества, чем взгляд на страны типа СССР как на априори капиталистические.

¹¹ Послушаем Иммануэля Валлерстайна, хорошо разобравшегося в этом вопросе:

"...народные движения пришли к власти..."

Что же следовало за приходом движений к власти? Они быстро понимали, что им придется идти на уступки тем, кто управляет миро-системой в целом. И не просто на уступки, а на весьма значительные уступки. Оправданием для них служил аргумент, использованный Лениным при введении нэпа: уступки временны; это шаг назад ради двух шагов вперед. Такой довод выглядел убедительно, тем более что в тех редких случаях, когда движения были неуступчивыми, они вскоре оказывались полностью оттесненными от власти. Но и сами уступки раздражали, вызывая разногласия внутри руководства и вопросы со стороны народа.

Если же движение стремилось удержаться у власти, приемлемой оставалась лишь одна линия поведения - откладывать радикальные перемены и пытаться "догнать" остальные страны миро-системы. Все устанавливавшиеся движениями режимы стремились укрепить позиции своих

государств в рамках миро-хозяйства и приблизиться по уровню жизни к его лидерам. Поскольку большинство населения чаще всего желало не столько радикальных перемен (весьма абстрактных), сколько повышения материального благосостояния (вполне конкретного), то постреволюционное изменение лидерами движения его политического курса встречалось с одобрением - разумеется, при условии его действенности.

...Неудачи пришедших к власти движений стали одним из главных факторов, обусловивших всемирную революцию 1968 года. Внезапно повсюду послышались голоса желавших знать, обусловлены ли неудачи антисистемных движений действиями враждебных реакционных сил или сговором революционеров со сторонниками старого режима. Так называемые "старые левые" везде оказались под огнем критики. Ни в одной стране "третьего мира", где национально-освободительные движения стояли у власти, они не избежали такой критики. Не затронула она в основном лишь тех, кто еще не достиг власти.

Если революции 1968 года подорвали массовую поддержку движений, то миро-хозяйственная стагнация двух последующих десятилетий продолжила развенчание идеалов. В 1945-1970 годах, в эпоху триумфа движений, главным обещанием выступало "национальное развитие", которое многие называли "социализмом". [Каждое] движение утверждало, что только оно может ускорить этот процесс и довести его до конца в той или иной стране. И в период между 1945 и 1970 годами эти обещания выглядели реалистичными на фоне всеобщего миро-хозяйственного подъема, а волна [прилива], как известно, способна поднимать все корабли.

Но лишь только подъем сменился спадом, как движения, стоявшие у власти на периферии миро-хозяйства, почувствовали свою неспособность предотвратить негативное влияние всемирной экономической стагнации на свои страны. Они оказались слабее, чем представлялось им самим и их народам, намного слабее. Утрата надежды догнать ведущие державы повсеместно, в одной стране за другой, оборачивалась утратой влияния самих движений. Они удерживались у власти, приторговывая надеждами и уверенностью. Пришло время платить за рухнувшие иллюзии и невыполненные обещания.

На фоне этого морального кризиса на поверхность всплыли мошенники, более известные под именем "чикагских мальчиков", которые в условиях возродившейся поддержки жесткой линии со стороны части политиков, влиятельных в рамках миро-системы в целом, стали предлагать всем в качестве лучшего средства магию рынка. Но "рынок" способен улучшить экономическое положение беднейших 75 процентов мирового населения не более, чем витамины могут излечить лейкемию. Мы имеем дело с надувательством, и мошенников скоро выгонят со двора, но только тогда, когда нанесенный ими ущерб станет явным" [9, с. 37-41].

Поразительно, что после всего вышесказанного Валлерстайн - казалось бы, лишившийся иллюзий относительно "национально-освободительных движений" - вдруг возлагает свои упования на... Африканский национальный конгресс:

"И в эпицентре всех этих процессов возникло южноафриканское чудо, ставшее лучом света в мрачной картине мира. Оно как бы пришло из другой эпохи, став продолжением триумфа национально-освободительных движений 60-х годов; и случилось это там, где, по общему мнению, ситуация выглядела наиболее тяжелой и запущенной. Трансформация прошла очень быстро и оказалась поразительно гладкой. На Южную Африку и АНК оказалось возложено несправедливо тяжелое бремя. Им требовалось добиться успеха не только для самих себя, но и для нас всех. После Южной Африки уже никто не сможет мобилизовать народные массы и породить всемирное движение солидарности. Последний шанс предоставляется сегодня самой идеологии антисистемных движений, словно мы все попали в чистилище в ожидании окончательного приговора истории" [9, с. 41-42].

О том, что АНК никакого успеха не добился и ЮАР продолжает падать в бездну кризиса и нищеты, см., например, у Х. Тиктина в его "Тезисах о природе эпохи" [33, с. 6,12]. Да и трудно было бы ожидать чего-то иного от движения, которое "очень быстро и поразительно гладко" пришло к власти благодаря не чему иному, как... поддержке США. АНК, как только прежние хозяева из разваливающегося СССР бросили его, тут же, на корню был перекуплен США, утратившими (опять-таки в связи с заметным уже в конце 80-х гг. ослаблением и расшатыванием СССР) заинтересованность в таком неудобном союзнике, как почти фашистский режим белых

расистов. Раньше АНК и его харизматического лидера Нельсона Манделу восхваляли политики, идеологи и пропагандисты СССР, теперь то же самое делают американские империалисты. Кто не верит - пусть посмотрит соответствующие страницы книги Генри Киссинджера "Нужна ли Америке внешняя политика?" [17, с. 226-233], особенно его форменное объяснение в любви к Нельсону Манделе на с. 228... В случае с ЮАР и АНК Валлерстайн проявил удивительное желание не обращать внимание на очевидные факты - объясняющееся, очевидно, острым желанием теоретически-левого respectable интеллигента найти-таки сегодня хоть какую-то легальную, массовую "левую" и "народную" силу, к которой можно было бы прислониться.

¹² Собственно говоря, одна из крупнейших организаций этого движения, АТТАК, и возникла-то как движение французской сельской буржуазии против импорта пищевых продуктов из США (лидер этого движения - Жозе Бове - ныне один из крупнейших лидеров антиглобалистов). А на митингах против войны США с Ираком, организовывавшихся антиглобалистами в Канаде, одним из основных лозунгов было требование бойкота товаров из США плюс призыв покупать французские и канадские товары.

Французская буржуазия высоко оценила заслуги антиглобалистов. Когда в ноябре 2003 года во Франции проходил их форум под лозунгом "За другую Европу без неолиберализма и всевластия капитала", очень правый нелиберал Жак Ширак выступил на нем с милейшей речью. Одними теплыми словами не ограничился - выделил на организацию форума большие деньги (злые языки с НТВ уверяли, что полмиллиона евро). Участников форума разместили в Париже и его окрестностях с большим комфортом.

С еще большим комфортом принимает у себя антиглобалистов нынешний президент Бразилии - сам "левый", один из лидеров антиглобалистского движения. До того, как стал президентом, яростно критиковал неолиберальную политику, а как дорвался до власти - сам стал проводить ее не хуже своих антинародных предшественников.

¹³ Подробне об албанском восстании см.: Пашенцев Е. Н. Крах албанских "пирамид" [26].

¹⁴ Подробнее о возможности такого пути развития см. в первой главе книги "Сущность человека" (М., Наука, 2005) [7] и в первой же главе книги "Собственность и управление" (М., Наука, 2003) [5].

¹⁵ Именно из такого молчаливого предположения исходил Эрих Фромм, доказывая в своей книге "Революция надежды" "невозможность насильственной революции в классическом смысле этого слова" в том мире, который сложился после Второй мировой войны [38, с. 219-223]. Но все дело в том, что *скоро мы будем жить в совсем не таком мире, каков он сейчас* - но, скорее, в таком, каким он был в 1916-18 гг. (и даже еще страшнее, потому что в этом мире будут во множестве взрываться не только снаряды, но и вакуумные бомбы, и не только нефтяные вышки, но и атомные электростанции).

¹⁶ Именно с *действиями по передаче информации* отождествлял управление отец кибернетики Норберт Винер [см., напр.:11, с. 12]. Однако к управлению относится лишь такая передача информации, которая воплощает в себе волевой переход от планирующего сознания к действию, направленному на выполнение планов этого сознания. Передача информации происходит и между неразумными животными, и внутри неодоушевленных компьютеров и компьютерных систем; однако *управление* существует лишь там, где информацию передают разумные, сознательно планирующие свою деятельность существа. Так, компьютеры вовлечены в процессы управления лишь постольку, поскольку их используют люди; если бы какое-нибудь животное случайно включило компьютер, который начал бы выполнять какие-то программы, то передача информации, осуществляющаяся при этом внутри него, вовсе не была бы управлением.

¹⁷ В свою очередь, руководители могут быть управляемы руководителями более высокого ранга, по отношению к которым первые являются подчиненными. «Насколько директор является руководителем в своем предприятии, настолько в вышестоящем звене он – рядовой работник» [19,

с. 18]. Таким образом, в достаточно больших авторитарно управляемых группах складывается *иерархия*.

¹⁸ Избрание подчиненными руководителя – акт управления не только деятельностью последнего, но и действиями самих подчиненных: выбирая людей, принимающих решения, подчиненные члены группы сами управляют собой посредством этой смены. Разумеется, такое опосредствованное самоуправление (когда члены группы совместно принимают лишь одно управленческое решение – кто именно будет принимать вместо них все остальные решения) есть сплав коллективных и авторитарных отношений – в отличие от прямого самоуправления, когда члены группы сами, без всяких руководителей принимают все управленческие решения. Вообще, во всякой системе отношений управления, в которой смешаны авторитарные и коллективные отношения, первых тем больше по сравнению со вторыми,

чем больше сфер деятельности данной группы требуют *постоянного* управления со стороны руководителей (в отличие от тех сфер деятельности, где отдающий приказы лидер выдвигается лишь иногда, в особых случаях, *временно*, а в остальное время люди управляют своими действиями совместно – без всяких руководителей),

чем больше руководителей в данной иерархической системе не переизбирается снизу, чем больше среди переизбираемых руководителей таких, которых можно переизбирать не в любое время, а только через определенные промежутки времени, чем длиннее вышеназванные промежутки времени.

¹⁹ Более подробно об изложенной здесь классификации отношений управления см. в моей статье "К вопросу о классификации отношений управления"[3]. Ранее эта классификация была изложена в печати в моей статье "Смысл жизни сегодня" [4].

²⁰ См.: 31, с. 105-110; 29, с. 24-182; 34, с. 185-298; 40, р. 17.

О связи преобладания отношений коллективного управления в первобытной общине со всеобщим вооружением общинников хорошо сказано в статье А. М. Хазанова, Л. Е. Куббеля и С. А. Созиной "Первобытная периферия докапиталистических обществ": "...рядовой свободный общинник, имевший оружие и знавший, как с ним обращаться, не был идеальным объектом для эксплуатации" [39, с. 127].

²¹ Ю. Семенов убедительно доказал в своей книге "Происхождение брака и семьи", что первобытно-коммунистические общины возникли из человеческих стад в результате своеобразного естественно-социального отбора: в суровых природных условиях, сильно затрудняющих добывание пищи (а именно такие природные условия заставили наших предков-обезьян трудиться и, трудясь, становиться людьми), между нашими предками обострилась борьба за лидерство в стаде, - и, по мере того, как совершенствовались орудия труда (в т. ч. орудия охоты, то есть оружие), многие человеческие стада просто уничтожали сами себя в ходе этой борьбы; выжили лишь те первобытные люди, которые ликвидировали борьбу за власть внутри своих стад, превратив последние в коллективистские общины.

²² Эти пять признаков приводит Ленин в своей работе "Великий почин", но предлагаемые здесь их формулировки не вполне совпадают с ленинскими - они представляют собой усовершенствованный вариант последних.

²³ Предлагаемая здесь концепция отношений собственности была впервые изложена в печати в моей статье ""Собственность": что кроется за этим понятием?" [6].

²⁴ По этому вопросу см., напр.: 18; 32, с. 280-284; 4.